Америка

№ 100/Цена 50 коп.

ЭЛИЗАБЕТ АШЛИ
комедийная актриса

№ 100

Америка

Иллюстрированный журнал

Мойщик окон за работой

ЖУРНАЛ «АМЕРИКА»
ПРОДАЕТСЯ В СЛЕДУЮЩИХ ГОРОДАХ
(ДАННЫЕ СОЮЗПЕЧАТИ):

Алма-Ата
Архангельск
Астрахань
Ашхабад
Баку
Барнаул
Брест
Брянск
Вильнюс
Витебск
Владивосток
Волгоград
Воронеж
Горький
Днепропетровск
Донецк
Душанбе
Ереван
Запорожье
Иваново
Иркутск
Казань
Калинин
Калининград
Каменск-Шахтинский
Караганда
Каунас
Кемерово
Киев
Киров
Кировоград
Кишинев
Краснодар
Красноярск
Куйбышев
Курск
Кустанай
Ленинград
Луганск
Львов
Магадан
Минск
Москва
Мурманск
Николаев
Новосибирск
Одесса
Омск
Орел
Оренбург
Павлоград
Пенза
Пермь
Петрозаводск
Петропавловск
Полтава
Псков
Рига
Ростов-на-Дону
Рязань
Саратов
Свердловск
Симферополь
Смоленск
Ставрополь
Таллин
Тамбов
Ташкент
Тбилиси
Томск
Тула
Ужгород
Ульяновск
Усть-Каменогорск
Уфа
Фрунзе
Хабаровск
Харьков
Херсон
Целиноград
Челябинск
Чернигов
Чита
Южно-Сахалинск
Ярославль

НА ОБЛОЖКЕ:

ФОТО С РАЗРЕШЕНИЯ: Стр. 2, Джон Рис («Блэк стар»); 3, Уолтер Денни; 6, Арнольд Ньюман; 7, Сэм Колдуэлл (газета *Сент-Луис пост диспэтч*); 8, Нина Лин (журнал *Лайф*); 9, Алекс Джеффри; 10-11, Чарлз Уг, с разрешения Музея примитивного искусства; 12-15, «Ньютон-Атланта» («Блэк стар»); 16-17, слева — Дж. Эдуард Бэйли (журнал *Тайм*), справа — «Крайслер моторс корпорэйшн», «Америкэн моторс корпорэйшн», «Дженерал моторс корпорэйшн» (отдел «Шевроле»); 18-19, вверху — Дж. Эдуард Бэйли (журнал *Тайм*) (3), внизу — «Форд мотор компани»; 21, Тэд Полумбо (журнал *Сатердэй ивнинг пост*); 28, Карл Х. Рик; 29, Дон Мурро; 36-37, слева — «Э. И. дю Понт де Немур», справа — Луис Фаурер (журнал *Вог*, вкт. права изд-ва «Конде Наст паблишейшнс») (3); 39, Джеффри Клементс («Оливер Бэйкер ассошиэйтс»); 40, Корнелл Капа («Магнум»); 49, рисунок Пола Гоффмастера; 56-57, иллюстрации Арно Стернгласса; 58, «Ассошиэйтэд пресс»; 59, «Юнайтэд артистс корпорэйшн», «Парамаунт пикчурс корпорэйшн»; 60-вторая стр. обл., Лу Джекобс, Луис Голдман («Рафо-Гиллюметт») (2); внизу слева — «Метро-Голдуин-Майер».

Иллюстрированный журнал «Америка» издается Правительством США по заключенному с Правительством СССР на основе взаимности соглашению, предусматривающему распространение журнала «USSR» в Соединенных Штатах, а журнала «Америка» — в СССР. Подписка на журнал «Америка» принимается в СССР местными отделами Союзпечати в пределах обусловленного соглашением тиража.

НАПЕЧАТАНО В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

Отзывы о публикуемых нами статьях и пожелания, относящиеся к выбору материала для журнала, просим направлять по адресу: Ruth Adams, Editor-in-Chief, *America Illustrated*, Washington 25, D.C., USA, или Американское посольство, Москва, улица Чайковского, 19-21.

ДИАНА ХЕЙЛИ

С песней по СССР

Весной прошлого года хор Оберлинского колледжа в штате Огайо — один из лучших в стране — вместе со своим дирижером, профессором Робертом Фаунтеном, совершил шестинедельное турне по Советскому Союзу. Концерты хора были восторженно встречены в Москве, Ленинграде и десяти других советских городах. Во время гастролей девятнадцатилетняя хористка Диана Хейли посылала на родину статьи, делясь своими впечатлениями о виденных местах и о людях, с которыми она встречалась. Ее заметки были опубликованы газетой «Кливленд плейн дилер», которая любезно разрешила привести их в нашем журнале.

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ: ЛЕНИНГРАД И МОСКВА. Мы уже здесь, мы поем, и все получается гораздо веселее и интереснее, чем мы предполагали, обсуждая нашу поездку в Оберлине. Просто не знаю, как описать головокружительное путешествие на трех самолетах, на поезде и в автобусе. Мы устали без конца переставлять часы, не поспевали привыкнуть к новым блюдам, недосыпали — и в результате, покинув солнечным январским днем Оберлин, оказались в туманное пасмурное утро в Ленинграде. Как мне передать эту странную смесь переживаний — любопытство, удивление, лихорадочное волнение, отчасти даже боязнь и уныние? Как передать словами, что это такое — петь в Большом зале Ленинградской филармонии под великолепными хрустальными люстрами?

Впечатления стали накапливаться с первой же минуты: приземление в Москве, таможенные служащие в черных фуражках, разглядывающие нас сквозь темноту, отличный ужин в аэропорту, быстрая поездка по Москве на вокзал, Красная площадь, Кремль, какие-то памятники, автобусы, полные краснощекими людьми в меховых шапках... В поезде мы проспали все семь часов, затем Ленинград, завтрак в замечательной Европейской гостинице. Следующие сутки ушли на отдых после столь утомительного путешествия и на подготовку к первому выступлению.

Первый концерт нас окрылил. Мы выступаем — уже это для нашего дружного коллектива огромная радость. Кроме того, мы в Ленинграде, наш хор Оберлинского колледжа дает первый концерт в Советском Союзе. Ах, все это так чудесно! Советские слушатели реагировали на наше исполнение так же, как и американские: они оживлялись по мере того, как репертуар становился менее серьезным. Приятно было смотреть на их улыбающиеся лица. Зал филармонии был залит светом, горели все огромные люстры, и мы видели лица слушателей, их выражение, их глаза, почти чувствовали, что они переживают. Мы радовались вместе с ними, и чем больше мы пели, тем ближе с ними становились. Ты видишь, как сидящие в первом ряду улыбаются тебе, ты улыбаешься им в ответ — чудные, незабываемые мгновения! Музыка связывала нас неразрывными узами.

А аплодисменты! С каким восторгом были встречены негритянские духовные песнопения! Одному солисту так аплодировали, что нам пришлось повторить весь номер на бис. А что делалось в конце концерта! Таких оваций я в жизни не слыхала. В Советском Союзе на бис вызывают особенными аплодисментами: настойчивыми, ритмичными, в унисон. Мы знали, что так хлопают только в особых случаях, и, естественно, были очень польщены. На бис мы приготовили четыре вещи, и все их исполнили. Спев на бис первую вещь, мы увидели, что девушка из первого ряда передает нашему дирижеру профессору Фаунтену записку. Она просила нас исполнить «Светит яркая луна», народную песню, которую мы пели по-русски. Как реагировал зал! Услышав русские слова, все притихли. Вдруг по рядам прокатилось легкое волнение. На лицах засияли улыбки.

Второй концерт мало чем отличался от первого. Разве, пожалуй, прошло немного больше времени, пока мы установили контакт с аудиторией. Но затем последовал такой же восторженный прием негритянских песнопений,

зал так же требовал бисировать, профессору Фаунтену опять передавали записки. Одна записка особенно тронула нас: студент духовной семинарии просил исполнить «Аллилуйю» Рандолла Томсона. Когда мы ее пели, у многих на глазах блестели слезы. Запомнился и другой волнующий момент: после концерта к Роберту Фаунтену подошла пожилая дама, миниатюрная и очаровательная; она опиралась на палку; это была дочь Римского-Корсакова. На улице нашего дирижера окружили любители автографов и не отставали от него до самой гостиницы.

Наши ленинградские гастроли были во всех отношениях удачными. Оказанный нам прием превзошел ожидания. Наш последний концерт в Ленинграде кончился, мы покинули эстраду, но слушатели расходились медленно. Долго они еще стояли и хлопали. Не знаю, сколько раз профессор Фаунтен выходил раскланиваться. Наконец он начал раздавать автографы, пока не подошло время закрывать зал. На занесенной снегом улице нас окружили студенты, они осыпали нас похвалами, заговаривали с нами, дарили нам открытки и значки, без конца благодарили нас.

После Ленинграда состоялся наш первый концерт в Москве. Московская публика отличалась от уже знакомой нам ленинградской. Ее было раза в два больше, и чудесный Большой зал Московской консерватории был переполнен. В тот вечер на концерт пришли сотрудники Американского посольства в Москве и немало известных советских деятелей. Встретили нас все с той же теплотой: были и громкие крики «браво», были и ритмические аплодисменты, означавшие требование бисов. Все мы испытывали большое удовлетворение. Наше пение принимали горячо и восторженно, с энтузиазмом отвечали на малейшие проявления дружелюбия с нашей стороны. И мы твердо решили сделать все возможное, чтобы остальные гастроли прошли с таким же успехом, как и первая неделя.

РУССКИЙ НАРОД. Начиная с нашей первой памятной встречи с ленинградскими студентами, мы все время ощущали то замечательное, искреннее расположение, которое повсюду проявляли к нам русские люди. Русские — удивительные слушатели, и чем дольше мы выступали, тем все лучше и лучше нас принимали. Овации, устраиваемые в каждом городе, превосходили все наши ожидания. Особенно бурно выражали свой восторг последние ряды балконов, где обычно сидит учащаяся молодежь. Именно студенты первыми начинали аплодировать. На каждом концерте мы бисировали собственно для них, и они, казалось, готовы были слушать нас до утра. В день окончания московских гастролей добрая сотня студентов буквально штурмовала кассу консерватории. Но в зале даже стоять было негде. Какая радость — петь перед такой отзывчивой и понимающей публикой! Каждый раз мы чувствовали, что доставляем им огромное наслаждение.

Мы посетили несколько институтов и консерваторий, где разговаривали и познакомились со многими студентами. Это было, пожалуй, одной из самых интересных сторон нашего турне. Быть может, оттого-то нам так и полюбился Ленинград, что там мы ближе всего сошлись с советскими студентами. Впервые мы встретились с учащейся молодежью на «обмене ре-

Хор Оберлинского колледжа на репетиции в Московской консерватории.

петициями», когда участники ленинградского университетского хора пришли на нашу репетицию. Затем мы слушали их пение, после чего около часа провели в самой дружеской обстановке. Мы пели, танцевали, обменивались сувенирами и адресами, смеялись до упаду и в конце концов, взявшись под руки, уселись на эстраде и предоставили фотографу нас снимать.

С тех пор такие встречи повторялись часто: мы приходили в учебное заведение, и, когда оканчивалась официальная часть приема, каждый делал, что хотел. Нас сейчас же окружали студенты, делали нам подарки — иногда маленькие сувениры, вроде значка со Спутником или открытки с видами города, а часто даже книги и пластинки. Завязывалось много личных знакомств, особенно в Ленинграде. Нас часто приглашали в гости, наши новые друзья ждали нас после концерта у театрального подъезда. Студенты очень нами интересовались и беседовали с нами откровенно. В разговоры о политике мы не пускались, что частично объяснялось, возможно, незнанием языка. Правда, когда мы посещали институты иностранных языков, мы знакомились там со студентами, превосходно говорящими по-английски. С ними мы обсуждали системы образования в наших странах и вели разговоры на отвлеченные темы.

Мы, молодые люди, во многом везде одинаковы. Помню, как я раз сидела среди веселых виолончелистов в маленьком классе Минской консерватории (после Москвы мы поехали в Минск). Мы сравнивали их интерпретацию музыки с нашей, смеялись, шутили, а виолончелисты щеголяли друг перед другом исполнением сюит Баха. Разницы между русскими и американцами почти не чувствовалось. А связывало нас многое — и молодое желание ближе познакомиться друг с другом, и общая любовь к музыке. Мы знаем, что в каждом городе у нас остались друзья. Кое-кто из нас даже получил в Москве письма от своих новоиспеченных друзей в Ленинграде.

ОЧАРОВАНИЕ КИЕВА. В Киеве есть что-то особенное. Мы его сразу полюбили, и наше трехдневное пребывание там оставило неизгладимое, ни с чем не сравнимое воспоминание.

Приехали мы туда рано утром по железной дороге. С поездкой вышла целая история, из-за которой, возможно, Киев и показался нам сразу каким-то особенным городом. Рано-рано утром в понедельник мы выехали из Рязани в Москву. Чтобы поспеть на поезд, пришлось подняться в половине шестого. Позавтракали мы в московском аэропорту и стали ждать нашего самолета на Киев. Но, как нам сообщили, он на час опаздывал. Мы остались в ресторане. Ждем час, ждем два. Наконец узнаем, что самолет полетит не в назначенное ему время — 1.30 дня, а в 7.30 вечера. К тому времени мы уже чувствовали себя в аэропорту как дома. Кое-кто сражался в карты. Музыканты тихонько разыгрывали с листа струнные квартеты Гайдна. Остальные писали письма, дремали, болтали, тратили свои рубли на сувениры . . . Вдруг нам пришло в голову устроить репетицию — к немалому восторгу остальных пассажиров, особенно когда прозвучали негритянские песнопения. Веселились мы ужасно. Тут нам объявили, что самолет вылетит лишь завтра в десять утра. Пришлось переменить планы и ехать поездом. Мы отправились на вокзал, устроились в прекрасных спальных вагонах и проспали четырнадцать часов — всю дорогу до Киева.

Киев очарователен даже окутанный в серый предутренний туман. У него свое особое лицо. Город раскинулся на холмах. Бросаются в глаза здания с декоративными решетками, украинская мозаика, статуи. Извивающиеся улицы обсажены деревьями, перед зданиями часто видишь прелестные каменные или чугунные ограды. Дышится в Киеве как-то легко и свободно. Улицы пестрят яркими нарядами, на перекрестках продаются весенние цветы и пушистая верба.

Пели мы в приятном небольшом зале, таком уютном, что, казалось, мы можем обнять всю аудиторию. Радостный задор, с которым мы пели, сразу передался публике. Киевлянам нравилось все, что мы пели. Они хлопали, бросали на эстраду цветы, опять хлопали, просто не давали нам кончить. Когда после очередных аплодисментов наступила небольшая пауза, в зале громко раздалось по-английски «very good», причем с таким украинским акцентом, что даже мы на эстраде не могли удержаться от смеха.

Из наших выступлений в Киеве особенно запомнилось исполнение двух вещей. Во-первых, замечательного хора Чеснокова «Спасение соделал», который мы пели по-русски. Нам сказали, что эту вещь еще не исполняли в Киеве, а потому мы пели ее с исключительным подъемом, лучше чем все остальное. Да и вообще наши три киевских концерта были, пожалуй, лучше всех предыдущих. Во-вторых, невероятный успех имела украинская коляда о колоколах. Мы еще никогда не испытывали столь бурной реакции слушателей. Вероятно, песня эта была одной из самых любимых у украинцев, а потому петь ее в Киеве было для нас особенно приятно.

После концертов нас ждали наши многочисленные почитатели. Они выстраивались длинными рядами от дверей артистических уборных до выхода, и мы с трудом пробивали себе дорогу через эту аплодирующую, восторженную толпу. Нас, особенно солистов, останавливали, лично благодарили. Чтобы поговорить с нами, многие поджидали нас на улице. Наши новые друзья, с которыми мы познакомились в консерватории или после концертов, провожали нас до гостиницы, советовали, что осмотреть в городе на следующий день, в каком магазине что купить. Мы их приглашали к себе в гостиницу, толковали о музыке, расспрашивали друг друга о школах, университетах, рассказывали о наших странах. Как приятно приобретать таких друзей! Сразу устанавливались теплые, дружеские отношения, мы шутили, смеялись, болтали, как закадычные друзья.

Киевляне, подобно ленинградцам, очень гордятся своим городом. И те и другие нам без конца повторяли: «Обязательно, обязательно приезжайте к нам весной или летом». Ничто в мире, заверяли нас, не может сравниться

с Ленинградом, когда наступают белые ночи, когда солнце, едва скрывшись за горизонтом, опять восходит, когда светло всю ночь напролет. Все зацветет весной в Киеве, твердили другие, деревья вдоль улиц, ползущих по холмам, наденут свой весенний наряд. И как бы нам хотелось еще раз побывать там! Но времени было в обрез. Мы наспех осматривали города, порой запоминая лишь отдельные улицы или лишь отдельные здания. В памяти осталось несколько как будто знакомых лиц да чудесная, радостная картина — наши замечательные слушатели. Впрочем, и этого достаточно, чтобы Киев стал для нас чем-то бо́льшим, нежели просто интересным старинным городом, и мы льстим себя надеждой, что несмотря на наше короткое пребывание и киевляне долго не забудут наше пение.

ХОР ПУТЕШЕСТВУЕТ. Жить и разъезжать сплоченной группой — вещь сама по себе довольно поучительная. Нагруженные сумками и саквояжами, мы вылезаем из трех автобусов Интуриста, которые доставляют нас в гостиницу с аэропорта или вокзала. Одни обвешаны фотоаппаратами, у других болтается балалайка, третьи держат в руках игрушечную модель кремлевской башни или пучок вербы. Все мы вваливаемся в вестибюль гостиницы, ждем, пока нас распределят по комнатам. Вначале не обходилось без путаницы, но когда мы прибыли в четвертую гостиницу, у нас все уже шло гладко. Почти сразу вслед за нами прибывал багаж. Его складывали в вестибюле, мелом отмечали, куда какой чемодан предназначается, и доставляли вещи к нам в номер. Обычно все шло без перебоев. Номера — притом вполне благоустроенные — были заранее приготовлены. Нас всюду сопровождали шесть милейших сотрудников Госконцерта, подведомственного Министерству культуры СССР. Мы очень привязались к нашим верным спутникам. Трое из них заботились о гостиницах, питании, транспорте, а без трех остальных мы бы вообще пропали: они были нашими переводчиками. Генриета, Игорь и Анна — так звали переводчиков — оказали нам немало услуг. И когда настал день отъезда в Румынию, нам было грустно расставаться с нашими милыми друзьями.

Мы уже побывали в шести советских городах: в красавце Ленинграде, *в Москве с ее высотными зданиями, в Минске, Рязани, в очаровательном* Киеве и Львове. Ленинград долго оставался нашим любимцем: там состоялся наш первый концерт, там у нас завязалось так много знакомств и там мы провели шесть дней — больше, чем в каком-либо другом городе. Ленинград — город спокойный, солидный, город, которым необычайно гордятся его жители. По сравнению с ним Москва кажется чересчур деловой и какой-то безличной. После Москвы Минск произвел более жизнерадостное впечатление: люди там как будто веселее, одежда их ярче. Киев и другие украинские города порадовали нас зданиями с лепными украшениями, маленькими магазинами, где продаются чудные вышивки, парками, начинавшими зеленеть по-весеннему. Во Львов мы прибыли в Светлое Воскресенье, и многие отправились в костел. *Костел был переполнен*: старики и старухи, люди средних лет, молодежь, дети. Перед костелом женщины продавали оригинально расписанные деревянные яйца. Естественно, мы не могли удержаться от соблазна и купили их на память.

Но спросите, что́ нам больше всего понравилось в этом турне — и любой из нас, не задумываясь, ответит: «Концерты!» То были волнующие, почти волшебные минуты. Казалось, больше нам ничего не было нужно, мы могли жить одними аплодисментами. А их мы слышали больше, чем смели ожидать: бурные, оглушительные, ритмические, переходящие в крики «бис». Когда мы пели, почти каждый из нас смотрел на кого-нибудь в публике, устанавливая с ним какую-то невидимую связь. И благодаря этому мы чувствовали себя еще ближе к слушателям. С какой жадностью они искали встреч с нами! Как могли мы не радоваться! «Боже, какое счастье!» — твердили мы про себя каждый день.

В памяти участников нашего хора осталось очень многое: Ленинград и его великолепный Эрмитаж, Пушкинский музей и Кремль в Москве, бесчисленные институты и консерватории, Пасха во Львове, прием и роскошный завтрак в Американском посольстве, метро, церкви и храмы. . . В памяти хранится еще одно чудное воспоминание о поездке, дорогое, вероятно, всем нам: русские дети. Укутанные в меховые шубки, рейтузы, валенки, вязаные шапочки, так что ручонки их торчат в разные стороны и колени почти не сгибаются. И куда ни пойдешь, всюду видишь эти меховые шарики, за которыми присматривает зоркое око бабушки. Из-под нахлобученной шапочки на тебя глядят огромные глазенки — просто нельзя удержаться, чтобы их не сфотографировать.

Конечно, у каждого из нас остались и сугубо личные воспоминания. Но много воспоминаний у нас и общих, коллективных. Мы не забудем те грустные минуты, когда в кругу наших новых русских друзей мы вдруг вспоминали, что скоро расстанемся с ними навсегда. Не забудем мы и радостное чувство, которое охватывало нас при удавшемся исполнении. Не забудем мы и тех ценных уроков, которые вынесли из путешествия. За эти шесть недель мы все так выросли, возмужали. «Я думаю, что за время нашего гастрольного турне мы все научимся лучше и сильнее любить других», — как-то сказал нам во Львове профессор Фаунтен. И пожалуй, именно это и следует признать самым ценным во всей нашей поездке.

Диана в Оберлинском колледже

ФОТО ДЖОНА РИСА

По окончании занятий Диана и Родни проходят мимо студенческого театра.

Магазин грампластинок — излюбленное место встреч музыкальной молодежи.

Оберлинский хор выступает на выпускном акте.

Диане приходится много упражняться на органе.

Гастроли хора закончились, и Диана Хейли снова приступает к занятиям. Оберлинский колледж, в котором она учится, был основан в штате Охайо в 1833 году. Он одним из первых открыл свои двери для девушек и выступил за совместное обучение всех рас. Ныне колледж известен своими высокими академическими требованиями и особенно славится музыкальным отделением. Все это заставило Диану покинуть родной Сент-Питерсбург во Флориде, где живут ее родители (отец ее — пастор, мать — учительница музыки). Диана специализируется по латыни и истории, но почти все свободное время отдает музыке. «Когда я впервые услышала хор, я пришла в восторг, — вспоминает она. — Мне безумно захотелось петь с ними». Желание Дианы исполнилось. Между лекциями и уроками игры на рояле и органе, девушка успевает встретиться со своим другом, студентом Родни Фарраром, который тоже побывал с хором в Советском Союзе.

На выпускной вечер собираются и студенты и местные жители.

Измученный невзгодами Иов наших дней взывает к небесам в пьесе на библейскую тему «Дж. Б.» Арчибальда Маклиша.

ТЕАТР И ЦЕРКОВЬ

Уолтер Сорелл

Уолтер Сорелл — не только авторитетный знаток религиозной драмы, но и талантливый драматург, пополнивший этот интересный жанр. Его пьеса «Всякий человек сегодня», поставленная под эгидой Объединенной богословской семинарии, — это история рядового человека наших дней, который призван к ответу за свои грехи. Газета «Нью-Йорк таймс» назвала ее «волнующей назидательной драмой (моралите), написанной человеком принципиальным, знающим театр и обладающим большим вкусом». Уолтер Сорелл является балетным и театральным критиком газеты «Провиденс джорнал», автором книги о современном танце и сотрудником ряда журналов. Его статьи о танцевальном искусстве неоднократно печатались на страницах «Америки».

Растущее влечение американского театра к жанру, весьма неточно называемому религиозной драмой, можно объяснить многими причинами. Пережив потрясения последней войны, человек сейчас испытывает сознание огромной ответственности и ощущает нравственные колебания, ибо он держит в руках силу, способную уничтожить его самого. Кроме того, сейчас у духовенства всех вероисповеданий — католиков, протестантов и иудеев — возрождается интерес к театру. Эти факторы, вместе с целым рядом других, способствовали небывалому росту интереса к религиозным пьесам даже у коммерческих театров Бродвея.

Религиозная драма — явление отнюдь не новое. Театр классической древности развился из представлений, связанных с культом Диониса, а современный театр вырос из средневековых мистерий и моралите — жанров религиозного театра. Новое в современной религиозной драме то, что она отталкивается от догматизма и доктринерства. Она носит универсальный характер и разбирает стоящие перед человеком вопросы с различных моральных, социальных и психологических точек зрения. В прошлые эпохи поощряемые церковью представления содержали готовые ответы на все вопросы, но в современном театре религиозные темы не подводятся под те или иные вероучения, основанные на догматах. Пьесы не дают ответов — они лишь ставят вопросы.

Драматург больше не пишет о приятии существующей жизни или о воздаянии, ожидающем нас в жизни будущей. Его интересует цельность человеческой личности, ее самосознание, ее место в обществе. Он часто избирает для своих пьес библейские сюжеты или дилеммы, с которыми сталкивались в прошлые века различные деятели церкви, но подход, трактовка, отношение к этим темам глубоко современны. Сцена не превращается в кафедру проповедника, она остается местом для обсуждения насущных проблем сегодняшнего дня. Для примера можно указать на вызвавшую горячие споры бродвейскую постановку пьесы «Наместник» — произведения современного немецкого драматурга, резко критикующего действия или, вернее, бездействие высшего католического духовенства в эпоху нацизма.

Мятущаяся совесть человека — а следовательно, его потребность искать смысл и цель существования — была самым драматическим вопросом во все времена. И наша эпоха не представляет исключения. Недаром большинство серьезных драматургов стремится к подчеркнуто поэтическому осмыслению жизни. Когда Толстой в своем критическом очерке «О Шекспире и о драме» писал, что не существует драматического искусства без реалистического, нравственного и, в конечном счете, религиозного миросозерцания, он видел в драме средство уяснения отношения человека к Богу. Всякая великая пьеса, да и вообще всякое великое произведение

Пьеса Т. С. Элиота «Вечер с коктейлями» старается заострить внимание зрителя на древнейшей проблеме: спасение через любовь и страдания.

искусства стремится приблизить нас к таинству жизни, к пониманию самих себя. Наша борьба за самопознание в окружении сил света и тьмы неизбежно приводит к новому пониманию смысла жизни.

Отклик некоторых американских драматургов на эти вопросы породил много интересных пьес. Конечно, не все произведения, заслуживающие названия религиозной драмы, пользуются успехом у публики. Но важно то, что все драматурги понимают, какое брожение мы переживаем, и пытаются отыскать истину.

Начнем с бродвейских театров. Казалось бы, религиозные пьесы не представляют для них интереса. Тем не менее, вот уже много лет эти пьесы занимают видное место в репертуаре бродвейских театров. Так, на Бродвее шли «Вечер с коктейлями» и «Доверенное лицо» Т. С. Элиота — две, можно сказать, воинственно религиозных пьесы этого родившегося в Соединенных Штатах поэта, который одним из первых в наше время использовал театральные подмостки для проповеди евангельского слова. Т. С. Элиот стоит на позициях ортодоксального католицизма, но если по взглядам он

Два незнакомца сражаются за место на скамейке в пьесе Эдуарда Алби «Случай в зоопарке», которая затрагивает вопрос об отношении к ближнему.

консерватор, то по форме он модернист. Он не останавливается даже перед тем, чтобы в качестве заместителя или символа Бога вывести психоаналитика. Именно под влиянием Элиота и другие современные драматурги стали писать пьесы в стихотворной форме, проникнутые религиозными мотивами.

Из таких пьес заслуживает особого упоминания драма Арчибальда Маклиша «Дж. Б.» Подобно Иову в Ветхом Завете, недоумевающему, чем вызваны обрушивающиеся на него невзгоды, герой пьесы, Дж. Б., тоже не находит ответа и приходит к следующему выводу:

«Мы, безусловно, чем-то провинились:
Ведь Бог немыслим, если мы невинны».

Иов не виноват ни в чем, и его несокрушимая вера выдерживает испытание. Но Дж. Б. в пьесе Маклиша уже не столь безгрешен. В наше время нельзя открещиваться от вопроса о коллективной вине. Когда мы видим на сцене угнетенное человечество, несчастных, обездоленных людей, а рядом с ними — счастливого и преуспевающего Дж. Б., тогда постигшие его беды предстают перед нами в новом свете. Это уже не испытание, посланное в Библии достойному человеку, — это нечто иное, более современное. Насколько современна трактовка Маклиша видно из того, что трем библейским утешителям в пьесе соответствуют адепты Христа, Фрейда и Маркса. Мы встречаемся с пьесой в пьесе, когда двое балаганных зазывал надевают маски и начинают изображать Бога и Дьявола, разыгрывая историю современного Иова, которыми, по мнению Маклиша, переполнен мир.

Падди Чаевский стяжал известность пьесами из жизни людей, принадлежащих к низшему слою среднего класса населения. К ним, в частности, относится и мясник Марти, герой одноименной пьесы. Чаевскому близки язык и чувства представителей этой группы. В пьесе «Десятый человек» он избирает местом действия синагогу и воскрешает историю Дибука в современной обстановке. В пьесе «Гидеон», используя библейский сюжет, он драматизирует и очеловечивает рассказ о простодушном Гидеоне, которого Господь избрал орудием для своих чудес. У Чаевского Гидеон изображен маленьким человечком, упорно отказывающимся примириться с предопределенной ему Богом судьбой. Гидеон осмеливается вступать в спор с Богом, требующим безоговорочной любви к Себе. Здесь Чаевскому удалось сочетать вечный конфликт между детьми и отцами на высоком плане с отчаянным стремлением современного человека к самоутверждению. «Строгая ортодоксальность, — писал театральный критик газеты «Нью-Йорк таймс», — требует беспрекословного, полного подчинения каждому слову догмата. По мнению Чаевского, Гидеону судьбой уготовано пробираться в темноте, ощупью отыскивая путь, то и дело ошибаясь. Но этот путь он избирает сам, ясно сознавая и скрытые опасности и собственную ответственность. Это и делает его настоящим человеком».

Не следует думать, конечно, что драматург садится за стол с ясно выраженным желанием написать религиозную пьесу (иногда он выполняет заказ, но это уже исключение). Однако не трудно себе представить, что из теснящихся вокруг него образов, из виденного и слышанного, из нравственного негодования может родиться произведение, перерастающее задуманную тему и поднимающее вопросы веры и высшей этики, но в то же время сохраняющее тесную связь с современной жизнью.

В качестве примера остановимся на пьесе одного из самых молодых американских драматургов, ныне известного и за пределами нашей страны, на пьесе Эдуарда Алби, недавно выступавшего с лекциями в различных городах Советского Союза. В этой одноактной пьесе «Случай в зоопарке» разочарованию молодого поколения противопоставляется обеспеченный мир сплоченного среднего класса. Сталкиваются два поколения и два мира. Человек, на первый взгляд совершенно невинный, совершенно не собирающийся вмешиваться в чужие дела, вдруг оказывается вынужденным убить пришедшего в отчаяние юношу. При этом затрагивается старый библейский вопрос: «Разве я сторож брату моему?» Эдуард Алби написал еще несколько пьес, но эта его первая пьеса остается самым ценным и интересным его вкладом в американскую драматургию.

Луис О. Кокс и Роберт Чапман, служившие в военно-морском флоте США во время Второй мировой войны, драматизировали известную повесть Германа Мелвилла «Билли Бадд»; премьера пьесы состоялась в 1949 году. Действие этого современного моралите разыгрывается на английском судне в конце XVIII столетия. Вся пьеса проникнута философской идеей и выражает уверенность в том, что для абсолютов добра и зла нет места в нашем мире. Аллегорический конфликт между добром и злом воплощен в образы ни в чем не повинного матроса Билли и садиста-начальника, преследованиям которого подвергается молодой моряк. В результате Билли ненамеренно исправляет зло и пожирается бесчеловечным механизмом непререкаемого закона. Это противопоставление несправедливости закона нравственной справедливости сам Герман Мелвилл лучше всего объяснил тремя короткими строчками:

Лишь Да и Нет
Наш знает свет.
Но Бог дает иной ответ.

«Билли Бадд» был включен вместе с другими образцами религиозной драмы в трехтомный сборник выдающихся пьес, прямо или косвенно связанных с религиозными вопросами. Некоторые заслуживают особого упоминания. Таково «Последнее слово», сравнительно длинная одноактная пьеса Джемса Бротона, принадлежащего к школе сан-францисских «джазовых поэтов». Впервые она была поставлена в Сан-Франциско в 1958 году вместе с двумя другими одноактными пьесами того же автора. «Последнее слово» изображает последние минуты жизни человечества перед его гибелью от атомной бомбы. Муж и жена перед лицом смерти впервые видят друг друга в истинном свете. Редактор сборника, пастор Марвин Халверсон в предисловии пишет: «В этой пьесе моления, возносимые богам и героям нашего времени, показывают несравненно острее и ярче, чем проповеди и богословские статьи, как современный человек наполняет религиозным содержанием новые символы, по мере того как старые символы христианского вероучения теряют силу».

Известный американский поэт Э. Э. Кэммингс представлен в сборнике религиозной драмой «Санта Клаус». В этой пьесе центральный персонаж готов принести миру дар, но не находит желающих принять его, а Смерть (без которой не обходится ни одно моралите) ищет тех, кто согласен при-

Одержимую злым духом девушку пытаются избавить от ее беды в пьесе Падди Чаевского «Десятый человек» — парафразе поверья о заклинании духов.

нести дар, но никого не находит. Пьеса Кэммингса носит сатирическую окраску, но ее основная тема — любовь, которая одна никогда не слабеет и помогает человеку найти себя.

Другой американский поэт Джемс Шевилл представлен в сборнике пьесой «Кровавый догмат». Герой ее — известная фигура раннего периода американской истории Роджер Уилльямс, ставший символом борьбы за религиозную свободу. Связанное с его именем историческое событие само по себе свело бы драму к конфликту между совестью Уилльямса и властями предержащими. Получилась бы историческая драма с верующим в Бога героем. Но сместив тему в сторону внутреннего конфликта между гордостью Уилльямса и волей Бога, автор придал своему произведению многоплановость и глубину. Так как «внутренняя» борьба Уилльямса имела немаловажные последствия для истории Соединенных Штатов, автор показывает, что иногда сугубо личные, казалось бы, споры человека с самим собой на поверку оказываются не только его частным делом.

«Кровавый догмат» был написан Шевиллом по поручению Центральной церкви конгрегационалистов в Провиденсе (Род-Айленд) и Отдела богослужений и искусства Национального совета церквей. Это типично для Соединенных Штатов и свидетельствует об интересе, проявляемом религиозными организациями и их руководителями к театру вообще и к религиозной драме в частности. Очень многих сейчас воодушевляет мысль использовать драматическую форму для того, чтобы обсуждать, освещать и оживлять вопросы веры и этические принципы, соединяя их с честным реализмом и с присущими только театру динамикой и наглядностью.

Все три вероисповедания прибегают при этом к помощи телевидения и радио. По воскресным дням все крупные радиостанции передают одну–две утренние религиозные программы. Наибольшей известностью пользуются программы «Гляди ввысь и живи» и «Рубежи веры». Главное место в программах отводится постановкам драматических пьес (иногда в них содержатся даже танцевальные номера, связанные с аллегорическим изображением религиозных тем и основных этических и моральных вопросов), *порой они сочетаются с другими формами передач. Католические, протестантские и иудейские программы передаются поочередно.*

Иудейская богословская семинария в США первой организовала передачу радиопостановок, начав в октябре 1944 года регулярно транслировать программу под общим названием «Вечный свет». С художественной точки зрения это одна из самых безупречных радиопрограмм на религиозные темы. По словам декана семинарии д-ра Моше Дэвиса, который является и главным руководителем передач «Вечный свет», основная тема этих радиопостановок — жизнь. «Героем наших передач неизменно является рядовой человек. Мы стремимся представить современные темы в свете вечности». С 1951 года эта же программа еженедельно передается и по телевидению, и тоже с большим и неизменным успехом.

Но хотя радио и телевидение могут похвалиться наиболее широкой аудиторией, самую серьезную и интересную работу ведут театры, организованные или поддерживаемые церковью. К числу старейших театров такого рода принадлежит Доминиканский театр, основанный более тридцати лет назад в столице страны, где и сейчас он продолжает свою работу в качестве театрального отделения вашингтонского Католического университета. В 1940 году доминиканцы пустили корни и в Нью-Йорке. Там, в центре Манхаттана на 57-й улице, они открыли камерный театр, которым руководит монах-доминиканец Томас Ф. Кэри. Основной упор доминиканские театры делают на религиозную драму, но не забывают и другие жанры — комедию, трагедию, сатиру, фарс, мелодраму, а также музыкальные, фантастические и документальные пьесы. Не один известный драматург начинал с постановки своей первой пьесы в театре доминиканцев (например, Роберт Андерсон дебютировал здесь пьесой «Возвращаются домой»), и не один молодой актер находил отсюда дорогу на Бродвей или в Голливуд. Из последних постановок доминиканцев следует отметить драму патера Эдуарда А. Моллой «Конец Оскара Уайльда». Как видно из названия, пьеса посвящена последним дням Оскара Уайльда, скептика, в котором теплилась вера в Бога, изгнанника, который оглядывается на прожитую жизнь, готовясь предстать перед своим Создателем.

В католическом Фордамском университете в Нью-Йорке существует театральное отделение, которое из года в год ставит на очень высоком уровне самых различных авторов — от древних греков и Шекспира до современных американцев. Его самым большим достижением можно считать постановку современной мистерии Страстей Господних патера Альфреда Барретта «О мой народ!» Впервые она была создана Фордамским университетом в 1955 году как новая пьеса, приноровленная к запросам современности. С тех пор постановка эта повторяется ежегодно. Действие происходит в Гефсиманском саду. Пьеса использует музыку, хореографию и новейшие театральные приемы. Автор стремится подчеркнуть мужественность Христа; поэтому Христа всегда играют студенты, отличающиеся не только актерскими способностями, но и атлетическим телосложением. Обычно бичуемого Христа изображают члены футбольной или боксерской команды Фордамского университета.

Протестантские церкви провели большую работу по развитию недогматической религиозной драмы и гордятся тем, что их спектакли вызывают оживленные споры. Объединенная богословская семинария в Нью-Йорке регулярно ставит религиозные драмы. Подобно постоянному драматическому театру, семинария ежегодно ставит три новые пьесы, которые затем обычно входят в репертуар других театральных коллективов по всей стране. Кроме того, семинария руководит летней студией и ее постановками. Репертуар семинарского театра обширен. Среди авторов пьес встречаются такие имена, как Пиранделло, Сартр, Кафка, Элиот, Эрнст Толлер. Широкий доступ имеют и новейшие драматурги, в том числе Хауард Немеров, «Каин» которого произвел сильное впечатление, и Денис Уилли, чья одноактная пьеса «Очень холодная ночь», написанная в манере Самуэла Беккетта, проникнута настроением человека, попавшего в беду и поглощенного поисками своего «я». Семинария устраивает конкурсы для драматургов, интересующихся религиозной тематикой, молодым драматургам предоставляется возможность жить при театре и знакомиться с театральным делом со всех углов зрения — от плотничных работ и писания декораций до тонкостей драматургической архитектоники.

Кипучую театральную деятельность развивают многие церковные приходы. К числу наиболее деятельных принадлежит протестантская Епископальная церковь Св. Климента на 46-й улице Манхаттана, неподалеку от театрального центра Нью-Йорка. Ее пастор Сидни Ланир перестроил церковь так, что она может служить и театром. Орган сдвинут к задней стене, а алтарь убирается, открывая актерам свободный доступ к подсобным помещениям в нижнем этаже. Проповеди часто сопровождаются небольшими инсценировками, и пастор охотно приглашает драматургов, проявивших склонность к экспериментированию и к новым театральным идеям, попробовать здесь свои творческие силы.

Пастор Ланир стремится привлечь драматургов, проявляющих искренний *интерес к этическим проблемам нашего времени. Он всегда считается с* мнением аудитории и знакомит ее с драматическими произведениями по-разному — начиная с чтения пьес и отдельных сцен и кончая законченными спектаклями. «Как лицо духовное, — говорит он, — я считаю, что церковь должна видеть духовные потребности людей и удовлетворять их. Мы хотим создать коллектив, способный выдвигать самые различные идеи и устанавливать связь между искусством и наукой — связь, которая сейчас как будто отсутствует. Долг церкви — откликаться на культурные запросы так же горячо, как и на все остальные аспекты бытия».

Глиняный кувшин
в виде фигуры
человека.
Высота 28 см.
Мексика, VI век.

Узорчатая хлопчатобумажная
ткань. 149 × 66 см.
Перу, 1250–1400 гг.

Смеющаяся фигурка
из глины.
Высота 50 см.
Мексика, VI век.

Каменный кит для обрядового
курения. Длина 40 см.
США, XIX век.

МУЗЕЙ ПРИМИТИВНОГО ИСКУССТВА

В Музее примитивного искусства, основанном губернатором штата Нью-Йорк *Нельсоном Рокфеллером*, вы увидите смеющуюся человеческую фигурку, насчитывающую чуть ли не 1500 лет, и тут же мрачную маску, сделанную в XX веке. Ядром музея, одного из новейших в Нью-Йорке, является собранная его основателем замечательная коллекция примитивной скульптуры. За семь лет своего существования музей пополнился многочисленными экспонатами, начиная с монументальных скульптур Древней Мексики и кончая металлическими миниатюрами со Слонового Берега. Все экспонаты пожертвованы частными коллекционерами. Посетитель музея — будь то начинающий любитель или маститый ученый — может порыться в музейной библиотеке, посоветоваться со знатоками, прослушать лекцию выдающегося антрополога. Образцы изобразительного искусства, отражающие культуры народов Южной и Северной Америки, Африки и Океании, получают все большее признание за свои высокие эстетические качества. Они нередко удивительно близки по чувству и стилю к современному искусству Запада.

Глиняный кувшин в форме барсука. Длина 30 см. Сев. Америка, XVI век.

Птица из камня и асфальта с жемчужным орнаментом. Высота 10 см. США, XIX век.

Золотой кулон в виде ритуального ножа. Высота 15 см. Колумбия, XVII век.

Маска из китовой кости. Высота 17 см. Аляска, XX век.

Гарольд Б. Мейерс · С разрешения журнала ФОРЧУН

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА МОДЕРНИЗИРУЕТСЯ

Д. У. Броснан в своем служебном вагоне.

Железные дороги играют существенную роль в народном хозяйстве Соединенных Штатов. Сеть американских железных дорог насчитывает 350 000 километров, составляя одну треть общей длины железных путей в мире. Таким образом, в стране столько железных дорог, что ими можно пересечь континент более ста раз. По этим дорогам циркулируют свыше 2 000 000 товарных и 40 000 пассажирских вагонов и 32 000 локомотивов.

Несмотря на такие внушительные цифры, на протяжении последних двадцати лет доходы американских железных дорог неуклонно падали. Их доля в перевозке грузов понизилась с 73 процентов в 1944 году до 43 процентов в 1964-м. Значительную часть товаров, транспортировавшихся раньше по железным дорогам, теперь доставляют грузовики, объем перевозок которых увеличился за тот же период в четыре раза. Заметно выросла и роль трубопроводов, речных барж и транспортных самолетов. Что же касается пассажирских перевозок, то они в настоящее время осуществляются главным образом автомобилями и самолетами.

Помимо жестокой конкуренции, железным дорогам приходится считаться с требованиями профсоюзов и правительственных органов. Профсоюзы постоянно добиваются повышения заработной платы и сокращения рабочего дня. Они также требовали, чтобы кочегары по-прежнему сопровождали все дизельные локомотивы — как дальнего следования, так и маневровые, — несмотря на утверждения железнодорожной администрации, что в этом больше нет надобности. Правительство, в свою очередь, требует, чтобы железнодорожные компании продолжали обеспечивать пассажирский транспорт между городами и пригородами — дело подчас убыточное. До 1958 года железным дорогам запрещалось понижать грузовые тарифы ниже определенного уровня, чтобы дать возможность автогрузовому и речному транспорту вести конкурентную борьбу на равных началах.

Однако, начиная с 1958 года произошел ряд благоприятных для железных дорог изменений. Законодательным путем было разрешено значительно снизить грузовые тарифы. Принятый в 1963 году закон предусматривает постепенное упразднение должностей кочегаров (путем выхода части кочегаров на пенсию и перевода остальных на другую работу). В апреле 1964 года между представителями железнодорожных компаний и профсоюзом было заключено соглашение о повышении заработной платы рабочих сортировочных станций до трех долларов в час. Пожалуй, наибольшего прогресса железные дороги достигли благодаря технологическим усовершенствованиям: у них появились более мощные локомотивы, более вместительные товарные вагоны и трехъярусные платформы, поднимающие от 12 до 16 автомобилей.

Все эти изменения позволили железным дорогам снизить грузовые тарифы и одновременно увеличить доход. Появились новые клиенты, стали возвращаться старые. В предлагаемом очерке мы расскажем, как одна из американских железнодорожных компаний — «Южная железная дорога», — совмещая опыт прежних лет с современной технологией, старается улучшить обслуживание клиентов и увеличить свои доходы.

Солнечное летнее утро. В восемь часов машинист Джимми Кэртин, держа в руках черную сумку и необычайно большой термос с кофе, вскакивает на подножку локомотива № 2553 Южной железной дороги на сортировочной станции Потомак в виргинском городе Александрия. С № 2553 сцеплено пять таких же дизельных локомотивов. Длина каждого — 17 метров, вес — 205 тонн и мощность — 2250 лошадиных сил. Все шесть лоснятся черной краской с белой и золотой отделкой. Все заправлены горючим и песком. Могучие локомотивы вполне готовы начать ежедневный пробег товарного состава № 153 на юг.

«Южная обслуживает Юг» — таков девиз Южной железной дороги. Это имеет важное значение для данной части страны. Более того: с общенациональной точки зрения, эта железнодорожная компания, как реактивный самолет авиалинии, содействует новому и непривычному для железнодорожного транспорта делу — успешному и плодотворному соревнованию. Компания делает упор на тщательно продуманную конкурентную стратегию, которая позволяет ей извлекать прибыль в рамках тех ограничений, которые налагают на железные дороги профсоюзы и правительство. Южная железная дорога прокладывает новые пути для всей железнодорожной индустрии в области усовершенствования технологии и повышения производительности труда. Рискуя миллионами долларов, она в настоящее время проверяет на практике новый принцип: несмотря на растущую конкуренцию железные дороги, улучшив обслуживание и понизив тарифы, могут расширить свою клиентуру и быть доходным предприятием.

Южная не только обслуживает Юг, но и Юг до известной степени обслуживает Южную. Густая сеть путей Южной покрывает этот быстро развивающийся промышленный район. Пути извиваются и скрещиваются, сходятся и расходятся, как клубок нитей, оброненный небрежной швеей.

Джимми Кэртин ударяет в колокол и дважды гудит в благозвучный гудок своего дизельного локомотива № 2553. Он слегка нажимает на красный рычаг дросселя. Машина дрожит и ревет. Высунувшись из окна, Кэртин оглядывается на первый состав из 60 товарных вагонов, к которому он должен прицепить свои шесть локомотивов. «Давай!» — кричит тормозной. Кэртин медленно подает поезд вперед. Вагоны прицеплены.

Переведя поезд на другой путь, Кэртин прицепляет второй состав из 88 вагонов. Затем он ждет, пока инспектор не осмотрит каждое сцепление и все 148 вагонов товарного поезда № 153. Обойдя весь состав, инспектор размахивает над головой обеими руками. Это сигнал Кэртину: «Все в порядке». Позванивая в колокол, машинист ведет поезд через сортировочную на главный путь. Впереди на светофоре вспыхивает зеленый свет. Джимми Кэртин дает полный ход. «Идем на солнечный Юг!» — говорит он, и его голос тонет в реве дизелей.

В 1962 году 1109 дизельных локомотивов Южной железной дороги покрыли расстояние в 46 300 000 км. 850 пассажирских вагонов компании прошли 124 200 000 км, обслужив 1 300 000 пассажиров, а 66 829 товарных вагонов — 1 600 000 000 км, доставив 72 000 000 тонн груза. Вместе с платой за доставку почты и другими поступлениями, к концу года валовой доход компании равнялся 344 764 000 долларов, и Южная заняла седьмое место среди железных дорог страны. После уплаты эксплуатационных расходов (248 400 000 долларов), федеральных, штатных и местных налогов (35 700 000 долларов)

Сортировочная станция в Атланте — один из четырех полностью переоборудованных парков компании — пропускает в день до 2300 товарных вагонов.

Ежедневно в мастерскую текущего содержания поступает 18 локомотивов. Дежурный следит за всеми рабочими процессами по замкнутой телесети.

и иных издержек, операционный доход компании составил 51 851 000 долларов, то есть она оказалась четвертой по величине дохода железной дорогой. Покрыв из этой суммы ряд финансовых обязательств, — например проценты по долгосрочному займу в 242 000 000 долларов, — Южная железная дорога получила чистый доход в 34 740 000 долларов. Из этой суммы 21 500 000 долларов были распределены между акционерами компании, а остаток пошел на новое оборудование и на улучшение обслуживания.

Товарный состав № 153 с трудом преодолевает подъем на пути к городку Манассас. На приборной доске перед машинистом мигает белый огонек. Это предупреждение: колеса начинают буксовать. Джимми Кэрнок нажимает на небольшой рычаг крана. На рельсы сыплется песок, тяга улучшается. Несмотря на это скорость поезда понижается с 45 до 26 километров в час. Поезд везет 5000 тонн: бумагу из штата Мэн во Флориду, химикалии из Нью-Джерси в Северную Каролину, хлорную известь из Западной Виргинии в Южную Каролину, сталь из Пенсильвании, Огайо и Мэриленда. Другие вагоны гружены солью, песком, консервами, ткацкими станками, древесиной, полотенцами и хромовой рудой — пестрым ассортиментом сырья и промышленных изделий. И как в доброе старое время, у железнодорожного полотна стоят два мальчугана в синих выцветших комбинезонах и усиленно машут вслед проходящему поезду.

Южная железная дорога в состоянии извлекать столь высокие доходы благодаря эффективности ее деловых операций, строжайшей экономии и капиталовложениям: за истекшие двадцать лет она вложила свыше 800 000 000 долларов в новое оборудование и автоматизацию. Южная была первой из крупных американских железных дорог, переключившихся в 1953 году полностью на дизельные локомотивы. В настоящее время она использует электронные вычислительные машины шире, чем все другие железнодорожные компании. За последние десять лет Южная в значительной мере усовершенствовала свои сортировочные станции в Атланте, Чаттануге, Ноксвилле и Бирмингаме. Теперь эти станции подготовляют вагоны к отправке за два часа вместо прежних восьми–десяти. Крупные средства были израсходованы на приобретение земли для новых железнодорожных линий, на внедрение сварных рельсов, централизацию контроля над движением поездов и на систему связи с ними (в частности, создание микроволновой радиосети с радиусом действия в 2740 км). Ремонтные мастерские для починки вагонов, локомотивов, колес, осей и прочего подверглись централизации и автоматизации. Миллионы долларов были затрачены на новое оборудование — например, на постройку специальных вагонов для перевозки древесной стружки, табака, зерна и угля, а также принадлежащих компании колес и рельсов. Но, оперируя миллионами, компания не пренебрегает и более скромными суммами. Так, администрация пришла к заключению, что ежегодно около миллиона старых костылей можно отремонтировать и вновь использовать. Принимая во внимание, что каждый костыль стоит восемь центов, компания экономит на этом 80 000 долларов в год.

Поезд минует Шарлоттсвилл и идет по району Ред-хилл, мимо небольших ферм, немощеных дорог, некрашеных домиков с крытыми верандами, мимо огородов на залитых солнцем откосах. Затем начинается спуск. Тормоза локомотива пронзительно скрипят, сдерживая катящиеся по инерции вагоны.

Деннису Уильяму Броснану — президенту Южной железной дороги — за шестьдесят лет. Родился он в семье кочегара в Олбани (Джорджия), окончил Технологический институт Джорджии с дипломом инженера-строителя. Проработав без особого рвения три года в штатном управлении шоссейных дорог, он перешел на железнодорожный транспорт. В 1926 году он поступил в путевую бригаду Южной железной дороги, чтобы на практике ознакомиться с работой дороги. В 1947 году он был назначен начальником главных путей района Ноксвилл и сразу же начал настаивать на проведении коренных реформ в деле управления железными дорогами.

«Некоторые из нас сознавали необходимость перемен, — вспоминает Броснан, — иначе наша компания была бы обречена на прозябание. В первую очередь надо было заменить физическую силу силой механической. Нам нужны были машины, а не ручной инструмент. Ведь тогда железные дороги все еще целиком полагались на мозолистые руки».

Естественно, что новаторские предложения Броснана натолкнулись на сопротивление. Когда ему надоело слышать слова «это невозможно», он распорядился отпечатать их на табличке. Однако отрицание «не» было перечеркнуто жирным крестом. Таблички были развешаны во всех мастерских и конторах и немало помогли его начинаниям. Вскоре Броснан мог на деле доказать, что действительно возможно почти все. В 1952 году он возглавил оперативную часть компании, а в 1960 году стал первым вице-президентом. Таким образом Броснан оказался на ключевых позициях в компании задолго до того, как сделался ее президентом в 1962 году.

Билл Броснан — требовательный начальник. Его подчиненные прекрасно знают, как он возмущается при неточном исполнении его приказов и при малейшем проявлении небрежности или безразличия. Он следит за состоянием каждой шпалы, ежедневно просматривает горы подробных отчетов. Каждый месяц больше двадцати дней он проводит в разъездах, обследуя 16 700 км путей Южной железной дороги. Для этого в его распоряжении два вагона, переоборудованных в контору. Где бы он ни находился, он всегда поддерживает связь с центральным управлением по телефону и радио. Если такой важный состав как № 153 начнет запаздывать, то Броснан, по всей вероятности, сейчас же потребует объяснений.

Поезд движется вперед. Небольшие подъемы то и дело сменяются такими же небольшими спусками, так что задние вагоны еще катятся быстро под гору, когда локомотив уже тянет передние на следующий холм. В результате, сцепление между задними вагонами ослабевает, и машинисту приходится соблюдать крайнюю осторожность. Если он слишком ускорит ход поезда, то произойдет толчок, который может повредить груз. Если же он слишком замедлит движение локомотива, то сцепления еще больше ослабеют, и может последовать еще более сильный толчок. Искусно регулируя скорость в соответствии с рельефом местности и длиной поезда, как будто инстинктивно предугадывая, в какой именно момент и насколько нужно ускорить ход поезда, Джимми Кэрнок уверенно и умело ведет свой длинный и тяжелый состав.

Развивая энергичную деятельность, Броснан, однако, все время должен считаться с ограничениями, налагаемыми на железные дороги Комиссией по регулированию торговли между штатами в целях борьбы с монополистическими тенденциями. Ему приходится умело лавировать, чтобы удовлетворить требования и правительства и профсоюзов. Но валовой доход остается почти без изменений на протяжении последнего десятилетия, расходы растут — а чистый доход едва удается поддерживать на приемлемом уровне. Поскольку правила остаются неизменными, постольку, лишь переменив подход к делу, компания может надеяться на прогресс в будущем.

По мнению Броснана, увеличить валовой доход следует не путем повышения тарифов (что лишь заставит клиентов обратиться к другим средствам транспорта), а путем расширения клиентуры и увеличением тоннажа перевозимых грузов. Увеличение тоннажа быстро повышает прибыль, так как перевозка крупного груза стоит лишь немногим больше, чем перевозка малого. Броснан считает, что компания может добиться большего тоннажа, предоставляя грузоотправителям льготные условия при перевозке товаров по железной дороге. Поэтому необходимо понизить тарифы и улучшить обслуживание, чтобы успешно конкурировать с автогрузовым и речным транспортом, а также с возрастающей тенденцией среди грузоотправителей перевозить свои товары собственными средствами.

Виргинский городок Монро, время 12.15. Первая остановка поезда № 153. Здесь он простоит лишь несколько минут для смены поездной бригады, которая работала чуть больше четырех часов. Но по устарелым железнодорожным правилам рабочий день измеряется не часами, а пройденными километрами. Пробег в 160 км равняется восьмичасовому рабочему дню. Состав № 153 за четыре часа покрыл 255 км, то есть отработал на линии верных полтора рабочих дня, так что Джимми Кэрноку причитается восемь часов отдыха в гостинице, за которую платит железная дорога. После отдыха он поведет следующий проходящий че-

Грузовые прицепы транспортируются на открытых платформах. Затем их прицепляют к тягачам, которые доставляют прицепы к месту назначения.

рез Монро товарный состав в Александрию. Обратный путь ему опять зачтется как 12 часов работы. Между тем, состав № 153 с новой бригадой пойдет на Атланту и Бирмингам и через 32 часа прибудет в Новый Орлеан.

В своей кампании за модернизацию железной дороги Броснан делает главный упор на централизацию и автоматизацию. Ремонт дизельных двигателей, сварка рельсов, починка колес и осей происходят в автоматизированных центральных мастерских. Запасные и маневровые пути изготовляются заводским способом в Атланте и перебрасываются в любое место, где в них ощущается надобность. Даже на перегревающиеся буксы, нередко вызывающие железнодорожные катастрофы, современная технология нашла управу: расположенные в 40 километрах друг от друга, инфракрасные датчики автоматически измеряют температуру каждого проходящего колеса и передают эти данные на центральную станцию в Атланте.

Новое оборудование и более рентабельные методы дают особенно большую экономию рабочей силы в одиннадцати мастерских для «ремонта на местех, где производятся починки находящихся в пути товарных вагонов. В этих мастерских каждая рабочая смена состоит из трех человек и одного бригадира. Три смены — девять человек — справляются с работой, для выполнения которой раньше требовалось 85 рабочих, и притом справляются с нею гораздо быстрее.

Многие из технических нововведений были усвоены Южной железной дорогой после того, как они доказали свою рентабельность на дорогах других компаний (например, сварные рельсы). Однако, в настоящее время ряд железнодорожных компаний, в свою очередь, перенимает нововведения Южной железной дороги. Несмотря на это Южная продолжает быть ведущим новатором среди железных дорог, стараясь догнать другие отрасли промышленности в области использования современной техники. Фактически она уже перегнала многие отрасли. «Мы знаем больше о технологии, мы больше интересуемся ею и используем ее шире, чем 95 процентов промышленных предприятий, которые мы обслуживаем», — гордо утверждает Броснан и имеет на то все основания.

Технологическое новаторство Южной железной дороги особенно наглядно выражается в применении автоматических вычислителей. Первая такая машина — «IBM-705» — была пущена компанией в эксплуатацию в 1955 году в Атланте. Сперва она использовалась для обычных операций: для вычисления зарплаты, взаимных расчетов с другими железными дорогами, подсчета проданных билетов, а также для обработки различных жалоб со стороны пассажиров, — чем раньше занималась целая армия служащих. Но вскоре Броснан нашел новые, необычные для железных дорог способы применения машины «IBM-705». Данные, которые раньше тонули в горах бумаги, теперь всегда имеются в его распоряжении и могут быть использованы при принятии решений по различным вопросам: при составлении расписаний, выработке тарифов, расчете расходов и т. д. Вскоре в дополнение к «IBM-705» компания установила новейшую вычислительную машину на полупроводниках «IBM-7074», которая способна мгновенно давать сведения о местонахождении любого грузового вагона, странствующего по путям Южной железной дороги.

Сокращение расходов и повышение эффективности — только часть программы Броснана. Его главная цель — увеличение доходов. «Чтобы расширить нашу клиентуру, — говорит он, — мы должны чем-то привлечь грузоотправителей и пассажиров. Это цель всех железных дорог, и в этом направлении таятся большие возможности».

В поисках новых клиентов Южная железная дорога всячески содействует индустриальному развитию обслуживаемого ею района. Одному из вице-президентов компании поручено интенсивное сотрудничество с представителями различных городов в целях привлечения на Юг новых промышленных предприятий. Для удовлетворения нужд старых и новых клиентов, Южная дорога помогает проектировать специальные товарные вагоны, рассчитанные на перевозку самых разнообразных грузов, в особенности тех, которые приносят хорошую прибыль. Так были созданы вагоны, предохраняющие хрупкие грузы от толчков; вагоны с поднимающимися стенками, что облегчает погрузку особенно длинных предметов; трехъярусные вагоны-платформы для перевозки автомашин, чтобы переманить детройтских грузоотправителей, пользующихся ныне грузовиками; вагоны с термоизоляцией для товаров, могущих пострадать от колебаний температуры.

Недавно Южная ввела у себя — правда, с некоторым запозданием — весьма привлекательную для клиентов новинку: на платформы грузятся бесколесные алюминиевые контейнеры, которые упаковываются и запечатываются самим грузоотправителем. Число груженных таким способом вагонов увеличилось с 3733 в 1961 году до 12 113 в 1962, а за первую половину 1964 года оно выросло почти в 3,5 раза, причем ожидается дальнейшее увеличение этих цифр. К концу текущего года в эксплуатации будет находиться 40 грузоподъемных кранов и 13 подъемных платформ для погрузки на вагоны контейнеров. Южная заключила соглашения с рядом автогрузовых фирм и теперь вербует клиентуру на северо-востоке и в других районах страны, лежащих за пределами ее железнодорожной сети.

Наиболее смелое новаторство Южная проявила в тарифном вопросе. В 1957 году она отказалась воспользоваться постановлением Комиссии по регулированию торговли между штатами об общем повышении тарифов и тем навлекла на себя недовольство других железнодорожных компаний. Более того: она с тех пор снизила тарифы на перевозку сотен различных товаров до низшего дозволенного уровня, вызвав этим новые ожесточенные протесты со стороны конкурентов. Сейчас коллектив специалистов занят изысканием возможностей увеличения количества перевозимых грузов путем дальнейшего понижения тарифов.

«Мы должны забыть, что мы — посредники, старающиеся переложить часть наших расходов на плечи клиента, — заявляет Броснан. — Мы — первая железнодорожная компания, воздержавшаяся от повышения тарифов в то время, когда другие компании увеличили ставки. Почему? Возьмем карандаш и подсчитаем. Если вы увеличите тариф на пять процентов, а ваш доход на пять процентов не увеличится, а то и уменьшится, то вам следует призадуматься». В настоящее время любое предложение о повышении тарифов должно получить личное одобрение Броснана. За последние два года он не получил ни одного такого предложения.

Несмотря на жалобы конкурентов, Броснан отмечает, что существующие ныне железнодорожные тарифы заставляют клиентов обращаться к автогрузовому и другому транспорту. «Почему бы не конкурировать с ними? — спрашивает Броснан. — Все имеют право на дешевый транспорт, и я в этом могу помочь людям».

Когда в 1963 году Южная железная дорога выпустила для конверсии задолженности и дальнейшего расширения облигации на 50 миллионов долларов, они были расхватаны за полтора часа. Даже искушенный биржевой деятель не может не проникнуться уважением к такому железнодорожнику, как президент Броснан, который честно и открыто заявляет: «Все, чего мы хотим, — это права свободно конкурировать».

СПОРТИВНЫЕ ИЛИ НЕТ?

Среди американских любителей спортивных автомобилей идут горячие споры по поводу новых юрких и изящных моделей легковых машин, большинство которых внешне похожи на спортивные, а некоторые почти ничем от них не отличаются. Многие из этих моделей, однако, снабжены оборудованием, против которого и ополчились ревностные адепты настоящих спортивных машин.

Подлинный спортивный автомобиль, утверждают они, должен быть маленькой, мощной, обязательно двухместной машиной с четырехступенчатой коробкой передач, рычажным переключателем скоростей и жесткими рессорами, позволяющими круто брать повороты. Более степенные автомобилисты иногда называют такие машины маленькими бестиями, не в меру быстрыми и излишне шумливыми.

Но больше всего энтузиастов спортивных машин возмущает то, что почти все пренебрежительно именуемые ими «квазиспортивными» модели имеют не два, а четыре сиденья, не четыре, а три скорости, да еще мягкие рессоры в придачу, которые, правда, можно заменить жесткими. Кроме того, за дополнительную плату заводы снабжают эти машины такой роскошью, как кондиционеры воздуха и автоматические трансмиссии с кнопочным селектором передач, что для истых приверженцев спортивных машин уже абсолютная ересь. Даже двухместный Корветт, который из всех американских автомашин считается образцом настоящего спортивного автомобиля, и тот можно приобрести нынче с автоматической трансмиссией, хотя стандартные Корветты, как правило, и оборудованы четырехступенчатой коробкой передач с рычажным переключателем скоростей.

Былые резкие отличия спортивной машины от обычной легковой за последнее время настолько сгладились, что теперь иногда трудно даже отличить одну от другой. Автопромышленники считают, что многие автомобилисты тяготеют к машинам, спортивным по характеристике, но удобным для семейного пользования. 75 процентов всех продающихся в стране автомобилей — все еще стандартные легковые машины, но так как за последние два года раскупалось по 7 000 000 машин, то автопромышленники считают, что спортивные машины помогут не только удержать сбыт на теперешнем уровне, но даже увеличить его.

Наибольшей популярностью из всех новых спортивных машин пользуется фордовский Мустанг — детище автоконструктора Ли Йакочча, сына итальянского иммигранта и ныне вице-президента фирмы «Форд мотор компани». Конструктор не без остроумия рассчитал, что Мустанг придется по вкусу не только молодым людям, но и пожилым, все еще мнящим себя молодыми.

Любая из нескольких моделей Мустанга представляет собой соблазнительную покупку. Самая дешевая модель (2398 долларов, плюс расходы по доставке, местные и штатные налоги) имеет жесткий верх, шестицилиндровый двигатель в 120 л. с., три передачи с рычагом переключения на полу и глубокие раздельные сиденья, обитые винилом и снабженные предохранительными поясами. Другая модель, стоимостью в 2880 долларов, имеет восьмицилиндровый V-образный мотор в 195 л. с., автоматическую трансмиссию, сервотормоза, серворуль и радиоприемник. Около 3000 долларов стоит третья модель, снабженная восьмицилиндровым V-образным двигателем в 271 л. с. и четырьмя скоростями с рычажным переключателем. За дополнительную плату устанавливаются тахометр, дисковые тормо-

ла, независимая подвеска и специальные покрышки. Последняя модель больше всего похожа на настоящую спортивную машину. По имеющимся сведениям, Мустанг с мотором увеличенной мощности развил в Калифорнии на гоночном треке скорость 280 км/час по прямой.

Мустанги выпускают с кузовами трех типов — купе с жестким или откидным верхом и седан с покатым верхом, — а также с разными моторами и типами трансмиссий.

Одним из главных соперников фордовского Мустанга среди американских автомобилей спортивного типа является Корвэр-Монца фирмы «Дженерал моторс», производящей автомобили марок Шевроле, Бюик, Понтиак, Олдсмобил и Кадиллак и выпускающей больше половины продающихся в США машин. Корвэр-Монца снабжен расположенным сзади наклонным шестицилиндровым двигателем с воздушным охлаждением: мощность мотора может быть увеличена с 95 до 110 и даже до 150 л. с. путем различных изменений в системе впрыска горючего и вывода отработанной смеси.

Модель Монцы с двухдверным кузовом-купе и мотором в 95 л. с. стоит 2087 долларов (плюс доставка и налоги). У автомобиля независимые пружинные рессоры, отопление, обивка из винила и почти ровный пол, так как нет карданного вала. Модель с мотором в 110 л. с. обходится на 27 долларов дороже, а с двигателем в 150 л. с. стоит 2577 долларов. Четырехдверные седаны и модели с откидным верхом стоят дороже. За дополнительную плату устанавливаются специальные рессоры, окрашенные стекла, смягчающие яркий свет, радиоприемник, шины с белыми стенками, колеса с металлическими спицами и автоматически откидывающийся верх.

Третья по величине автомобильная фирма — «Крайслер корпорэйшн» — также выпускает машины спортивного класса. Образцом могут служить появившиеся в мае прошлого года три модели Валиант-Барракуда. Две из них имеют шестицилиндровые двигатели в 101 и 145 л. с., и одна — восьмицилиндровый V-образный в 180 л. с. Первая модель стоит 2365, вторая — 2412, третья — 2496 долларов. За дополнительную плату любая модель может быть оборудована автоматической трансмиссией, серворулем и приспособлением для очистки запотевшего заднего окна. Последнее устройство пользуется у покупателей большим спросом, так как Барракуда отличается покатым кузовом типа «торпедо», задняя часть которого почти целиком состоит из окна с дымчатым изогнутым стеклом площадью в 1,3 кв. метра. Такого большого окна нет ни у одной другой американской машины. Барракуда имеет впереди такие же раздельные сиденья, как и спортивные модели «Форда» и «Дженерал моторс», но отличается от них задним сиденьем, рассчитанным на трех человек. Барракуда выпускается только в виде двухдверного купе.

Четвертая по величине автомобильная фирма США — «Американ моторс» — в настоящее время работает над спортивной моделью, которая, однако, еще не так скоро появится на рынке. Названная Тарпоном, эта модель отличается обтекаемым кузовом-торпедо и внешне, по-видимому, будет похожа на Барракуду.

Все перечисленные серийные спортивные машины стоят намного дешевле модели Корветт-стинг-рэй (так же как Барракуда и Тарпон, «стинг-рэй» — название рыбы). Корветт-стинг-рэй с откидным верхом стоит 3712 долларов, а двухместное купе — на 200 долларов дороже. На любой из спортивных машин можно установить кондиционер воздуха, стоящий от 280 до 350 долларов.

Некоторые автомобилисты считают, что, несмотря на все стандартное и дополнительное оборудование новых машин спортивного типа, им еще многого не хватает. В самом деле, ведь ни одна из них еще не может сама производить горючее, менять шины и ездить самостоятельно на вокзал, чтобы встретить возвращающегося с работы главу семейства!

Обтекаемый кузов Барракуды, выпускаемой фирмой «Крайслер», обеспечивает наименьшее сопротивление воздуха на больших скоростях. Заднее сиденье убирается.

Тарпон фирмы «Американ моторс» снабжен обтекаемым кузовом, изогнутыми ветровым и боковыми стеклами, большим задним окном и скромной хромированной отделкой.

Модели Корветт-стинг-рэй фирмы «Дженерал моторс» имеют V-образные двигатели мощностью от 250 до 375 лошадиных сил и упрочненные стекловолокном кузова.

Монца — экспериментальная модель «Дженерал моторс». Некоторые детали, вроде съемных над кабиной и мотором кузовов войдут, весьма возможно, в будущие модели.

На заводе Форда «автоскульпторы», сверяясь с проектным чертежом, обрабатывают кузов Мустанга, выполненный из наложенной на деревянную раму глины. Колеса и шины настоящие. Выпущенная модель будет точной копией этого макета.

Модельщики отслаивают от основы специальную покровную машины. Крыша кузова уже покрыта таким материалом.

РОЖДАЕТСЯ МОДЕЛЬ МУСТАНГ

Фордовские стилисты делают макет Мустанга в натуральную величину. От чертежей и макетов и вплоть до поточных линий спортивный автомобиль менялся и совершенствовался. Опросив общественное мнение, фирма «Форд» пришла к выводу, что покупатели предпочитают легкий четырехместный автомобиль спортивного типа. Учитывая небольшие размеры машины и продолговатую линию кузова, специалисты приложили немало усилий к тому, чтобы решить проблему места и обеспечить комфорт. И вот, спустя три года, Мустанги стоят в гаражах их довольных владельцев.

Строгие линии, низкая посадка, отличные эксплуатационные качества и поведение Мустанга получили признание среди автомобилистов.

оболочку, которую собираются нанести на стоящий на заднем плане макет Мустанги выпускаются одноцветными и в различных комбинациях цветов.

Оформляя глиняный макет, конструкторы воспроизводят переднее ветровое стекло из серой покровной пленки. Перед машины украшен эмблемой, изображающей мустанга, и отделкой из алюминиевой фольги.

Расход топлива зависит от мощности двигателя и условий езды. По данным владельцев, автомобиль проходит до 13 км на одном литре горючего.

ЭПТОН СИНКЛЕР ВСПОМИНАЕТ

Натан Глик

■ Когда Эптону Синклеру исполнилось восемьдесят пять лет, Нью-йоркский городской колледж, alma mater писателя, устроил по этому случаю торжественный обед, на котором Синклер выступил с речью. Впрочем, это была скорее не речь, а застольная беседа: Синклер говорил без заметок, вспоминал свои студенческие годы, предвыборную кампанию 1934 года в Калифорнии, когда он баллотировался в губернаторы штата, встречи с Джеком Лондоном и Синклером Льюисом, и делился мыслями об «искусстве переделывать Америку». Встреча профессуры и студенчества Нью-йоркского колледжа с маститым писателем проходила в непринужденной обстановке, и на традиционном торте, вместо полагающихся по обычаю восьмидесяти пяти свечей, красовались лишь три, символизирующие прошлое, настоящее и будущее писателя.

Присутствовавшие получили наглядное свидетельство об исторической преемственности поколений, когда Синклер упомянул между прочим, что в годы его студенчества во главе колледжа стоял отставной бригадный генерал, в Гражданскую войну сражавшийся под Геттисбургом. Далее Синклер воскресил перед слушателями образы писателей, давно уже сошедших с литературной сцены. Он рассказал о своих встречах с Джеком Лондоном в начале текущего столетия; оба писателя принимали участие в основании Межуниверситетского социалистического общества вскоре после того, как Джек Лондон напечатал свой первый обративший на себя внимание читателей роман «Морской волк». Встретились они на каком-то обеде, и Лондон, знавший Синклера как убежденного трезвенника, забавлялся тем, что рассказывал ему о своих подвигах по питейной части. Позднее в социалистическую колонию, организованную Эптоном Синклером, вступил еще один начинающий писатель — Синклер Льюис. Тогда он работал истопником и уборщиком. «Трудно было сыскать более увлекательного собеседника, — вспоминал Синклер. — Развивая свой дар, он стал писать великолепные романы».

Уже в те годы Эптон Синклер был ярым социалистом и с тех пор остался верен своим убеждениям. «Я не сомневался, что идеи Социалистической партии получат широкое распространение и мало-помалу проникнут в программы старых партий и в программу любой вновь образующейся партии. Многое из того, за что я боролся в те далекие дни начала нашего столетия, теперь уже проведено в жизнь. И вы, — обратился он к собравшимся студентам, — сами того, может быть, не зная, пользуетесь плодами достигнутого. Этот процесс будет и дальше неуклонно продолжаться, ибо таков уж у нас, американцев, ход вещей».

Синклер не раз пытался принять участие в «переделывании Америки» средствами политики. Между годами 1906 и 1930 он неоднократно баллотировался на различные федеральные и штатные должности по спискам Социалистической партии, но всегда получал значительно меньше голосов, чем кандидаты главных партий — Республиканской и Демократической. Однако в 1934 году он оказался довольно близок к успеху. Он был кандидатом Демократической партии на пост губернатора Калифорнии и собрал 879 000 голосов, в то время как кандидат Республиканцев получил 1 138 000.

В предвыборной платформе Синклера значились государственные фабрики и заводы, ликвидация безработицы и широкая система пенсионного обеспечения. Оглядываясь на прошлое, Синклер теперь очень доволен тем, что потерпел поражение на выборах губернатора, так как он мало смыслил в делах управления штатом и плохо разбирался в экономике. «Однако, — добавил он, — та предвыборная кампания оказала огромное влияние на сознание калифорнийцев и многому их научила. За истекшие годы им удалось провести в жизнь и закрепить в законах штата бóльшую часть нашей программы». К этому можно добавить, что система социального страхования по старости, по инвалидности и от безработицы была создана в общенациональном масштабе всего лишь через год после кампании Синклера.

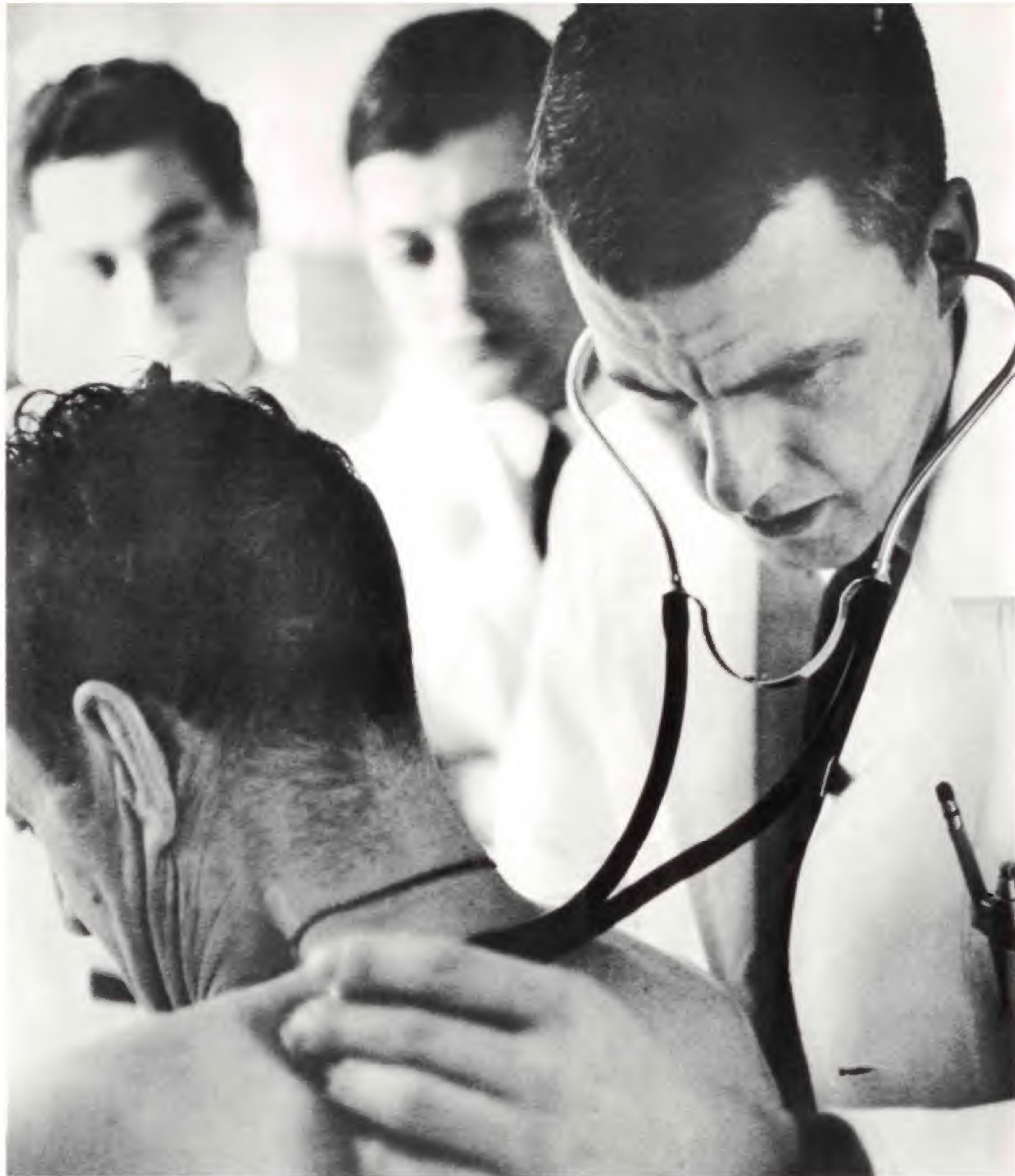
В конечном итоге, однако, наибольшее влияние на «переделывание Америки» оказали книги Синклера, которые обличали социальные несправедливости и мобилизовали общественное мнение на борьбу с недостатками существующего строя. Широкую известность принес писателю роман «Джунгли» (1906), описывавший эксплуатацию рабочих на чикагских бойнях. Читателей, однако, взволновала не столь тяжелая жизнь пролетариев, сколь описание процессов обработки мяса, нарушавших элементарные правила санитарии. Президент Теодор Рузвельт пригласил Синклера в Белый Дом для беседы и затем поручил комиссии Конгресса произвести соответствующее расследование, которое в конце концов привело к изданию законов о контроле за качеством пищевых продуктов. «Я целился в сердце читателя, — сказал Синклер, — но удар пришелся по желудку». Впоследствии Синклер дожил и до принятия законов о праве рабочих организовывать профсоюзы, о минимальной заработной плате и о контроле за условиями работы.

«Джунгли», «Король Уголь» и другие обличительные романы точно и добросовестно описывали условия жизни того времени, сказал Синклер. Но с тех пор положение вещей радикально изменилось, добавил он, и было бы непростительной ошибкой видеть в «Джунглях» отражение жизни Соединенных Штатов сегодняшнего дня. «За последние пятьдесят лет в условиях жизни американских рабочих произошли огромные улучшения, и, я уверен, книги мои весьма и весьма этому способствовали. Вот почему мы сегодня должны, по моему глубочайшему убеждению, всемерно превозносить и отстаивать наши демократические порядки, которые позволяют рабочим добиваться новых свобод и улучшения условий жизни. Мы воспользовались свободой, существовавшей у нас в политической сфере, и распространили ее на сферу промышленности и экономики».

В последующие годы Синклер обратился от чисто американских дел к событиям международной жизни. В одиннадцатитомной эпопее о Ланни Бэдде он описал бурный период мировой истории с 1913 по 1949 год. Джордж Бернард Шоу как-то написал Синклеру: «Когда меня спрашивают, что же случилось в мире за мою долгую жизнь, я обращаюсь не к газетным вырезкам и не к историческим трудам, а к вашим романам». За роман «Зубы дракона», описывающий приход нацизма к власти, Синклер получил Пулицеровскую премию.

«Мы с вами, — сказал он студентам, — являемся свидетелями событий огромного значения. На наших глазах создается всемирное государство и всемирный порядок. Если эта международная организация будет развиваться в демократических формах, в традициях свободы слова и печати, то этим достижением мы сможем по праву гордиться, и потомки недаром будут нас благодарить . . . Дух человека вечен. В нас живет начало, которое алчет и жаждет правды и справедливости и не успокоится, пока не добьется их. Из страданий нынешнего дня рождается новое единство всего человечества, единая воля к охране человеческих ценностей и к созданию мира, в котором все люди доброй воли смогут жить в мире и в безопасности».

Когда человек высказывает такие мысли, мы забываем о его возрасте. И студенты, собравшиеся чествовать восьмидесятипятилетие маститого писателя, видели в нем прежде всего человека своей эпохи, разделяющего с молодежью ее юношеские надежды и стремления.



СКАЖИТЕ, ДОКТОР, ЧТО СО МНОЙ?

Эван Хилл • С разрешения *Сатердэй ивнинг пост*

Уолтер Стэнли проснулся от мучительной боли. Он судорожно вздохнул, спустил ноги с постели и босой, стараясь не разбудить жену, побрел в ванную. Проглотив таблетку аспирина, он присел на край ванны. Сердце бешено колотилось, дышать было трудно. Ему стало страшно.

Однако аспирин, должно быть, помог, и Стэнли почувствовал себя немного лучше. Он снова лег, но боль тотчас же возобновилась. Он притиснул подушку к изголовью и устроился в полусидячем положении. Боль утихла, и он скоро уснул.

На другой день Уолтер Стэнли — вермонтский фермер средних лет — поехал в ближайшую амбулаторию при больнице имени Мэри Хичкок в Гановере (Нью-Хэмпшир). В северной части Новой Англии эта больница пользуется репутацией одного из лучших диагностических центров. Здесь Уолтер Стэнли (имя это вымышленное) попал на прием к терапевту Ф. Корбину Мойстеру. Врач сперва обратил внимание только на внешний вид пациента («бледность, затрудненное дыхание, испарина») и на его жалобы на сильную боль в груди.

Для врача боль в груди может означать многое: растяжение мышц, перелом, язву желудка, невроз, инфаркт миокарда. Д-р Мойстер начал терпеливо опрашивать пациента. Фермер сказал,

что ощущает боль в передней части грудной клетки. Боль появляется, когда он, например, поднимает бидон с молоком или взбирается на сеновал. В такие минуты он чувствует тяжесть в груди, покрывается испариной и — по словам Молли, его жены, — бледнеет. Молли и уговорила его поехать к врачу. Сообщив все это, фермер устремил выжидательный взгляд на доктора.

Стэнли отвечал на дальнейшие вопросы — не теряет ли он в весе, быстро ли утомляется, страдает ли запорами, головными болями — и д-р Мойстер исключил подагру, неврит, желчные камни. Пока что факты давали основание предполагать грудную жабу — сердечное заболевание, вызываемое недостаточным питанием сердечной мышцы кислородом.

Затем д-р Мойстер перешел к вопросу о ночных болях. Что приносит пациенту облегчение? Стэнли привел в пример вчерашнюю ночь. Он принял аспирин и немного посидел. Это помогло, и в конце концов он так и уснул в полусидячем положении.

Это могла быть грудная жаба. А как Стэнли принимал аспирин? С водой?

— Ну, конечно, — отвечал пациент, — помню еще, что вода была теплая.

— Значит, аспирин и вода помогли?

— Да, что-то помогло.

— А когда боль возобновилась?

— Как только я снова лег.

Подозрения доктора на грудную жабу поколебались. От опроса он перешел к осмотру больного. Фермер был крепкий, мускулистый мужчина со здоровым сердцем.

— Завтра мы проделаем еще кое-какие исследования, — сказал врач. — Но мне кажется я уже знаю, в чем дело.

На другой день рентген и электрокардиограмма подтвердили правильность выводов д-ра Мойстера. У Уолтера Стэнли был небольшой разрыв в грудобрюшной преграде. При физическом напряжении и при лежании небольшая часть желудка выпячивалась через щель в грудную полость и давила на пищевод, вызывая боли и другие симптомы, характерные для сердечных заболеваний. Когда мускулы расслаблялись, а также когда Стэнли выпивал теплой воды или садился, ущемленная часть желудка высвобождалась из щели и боль прекращалась. Эта болезнь называется диафрагмальной грыжей, или внутренней грыжей живота. Д-р Мойстер не мог ни увидеть ее, ни прощупать, ни прослушать стетоскопом. Но того, что рассказал ему Стэнли, оказалось достаточным для правильного диагноза. Фермер был назначен на операцию. Ему вскрыли брюшную полость, наложили несколько швов на диафрагму, и вскоре он совершенно выздоровел.

Людям, вроде Уолтера Стэнли, да и большинству из нас, такие диагнозы кажутся чудом. Врач задает, на первый взгляд, не относящиеся к делу вопросы, выстукивает пациента, зондирует, ощупывает, выслушивает — и определяет болезнь. Но, конечно, никакого чуда здесь нет. Это результат первоклассной подготовки, многолетнего опыта, долгих часов, проведенных над медицинскими книгами и журналами, хорошей памяти и особого рода наблюдательности, которая может мгновенно переключаться от широких обобщений на внимательное изучение мельчайших, но важных деталей. Диагностика, одна из основных отраслей медицины, — своего рода сыскная работа, и для пациента она часто означает вопрос жизни и смерти. Она гораздо сложнее, чем кажется большинству людей.

Все 270 000 американских практикующих врачей так или иначе занимаются диагностикой. Но диагноз, прежде всего, дело 70 000 общепрактикующих врачей, стоящих на передней линии медицинского фронта, и 30 000 терапевтов и педиатров. Пользуясь время от времени помощью патологов и радиологов, эти врачи ежедневно решают тысячи медицинских загадок.

Диагностический процесс (как это было в случае Уолтера Стэнли) состоит из трех фаз: расспроса больного (анамнез), его осмотра и лабораторных исследований. Чуть ли не на 80 процентов диагноз ставится уже при расспросе. Д-р Джозеф У. Гарделла, помощник декана медицинского факультета Гарвардского университета, говорит: «Если, приступив к осмотру пациента, я еще не имею представления о характере болезни, значит я плохо провел анамнез». Д-р Гиббарт Уилльямс, главный врач широко известной Массачусетской больницы в Бостоне, также подтверждает, что «большинство болезней исключается при расспросе, меньшее число — при осмотре и еще меньшее — в процессе лабораторных исследований».

В свете этих высказываний диагноз представляется не таким уж трудным делом. Но в действительности он невероятно сложен. Вот как описывает типичные проблемы диагностики директор Массачусетской больницы д-р Ноулс: «Человек средних лет жалуется на недомогание. Он худеет, устает, потеет, у него сердцебиение, отрыжка, головные боли. Все эти симптомы указывают на самые различные заболевания. Быстрая утомляемость и потеря веса наблюдаются при бронзовой болезни. Однако в сочетании с сердцебиениями они могут свидетельствовать о базедовой болезни. Потеря веса и отрыжка могут вызываться раком желудка или пептической язвой. Но, с другой стороны, потливость и похудание являются иногда симптомами скрытой инфекции. И, наконец, если пациент продолжительное время страдает головными болями, у него может оказаться опухоль в мозгу».

Как работает ум врача, сортируя все эти возможности? Д-р Уилльямс сравнивает процесс диагноза с системой световых сигналов электронной вычислительной машины.

«По мере того как накапливается информация, — говорит он, — в вашем мозгу то вспыхивают, то гаснут эти сигналы. Когда человек жалуется на боль в спине, зажигается сразу штук пятнадцать таких лампочек, и каждая указывает на одну из возможных причин. Но когда пациент начинает объяснять, где именно чувствует боль, когда она началась и сколько времени длится, некоторые сигналы гаснут, другие же продолжают мигать. Вскоре остается, быть может, всего пять огоньков, и один из них горит ярче других».

«КРИКИ ЧАЙКИ»

Допустим, у больного сильный кашель. Это может означать: заболевание кровеносного сосуда, бронхит, дифтерит, туберкулез легких, ларингит, плеврит, воспаление уха, коклюш, воспаление легких и наконец самую обыкновенную простуду.

Когда доктор выслушивает больного стетоскопом, он может услышать резкие высокие звуки, похожие на крики чайки. Они дают основание заподозрить отложение крохотных частиц кальция, мешающих работе сердечного клапана. Хрипловатые раскатистые звуки, смахивающие на жужжание волчка, могут навести врача на мысль о врожденном пороке сердца. Пульс, напоминающий рикошетирующий стук стального молоточка, иногда указывает на ревматическое сердечное заболевание. Глухой пульс, похожий на удары гидравлического молота и иногда даже видимый на шейных артериях, может вызываться недостаточностью сердечных клапанов.

Невольно поражаешься: как можно разобраться во всей этой массе симптомов и поставить правильный диагноз? И, тем не менее, врачи необыкновенно искусно распознают причины и характер заболеваний. При этом они почти единодушно соглашаются, что секрет успеха — в неустанной работе. Они знают, что современный врач должен помнить громадное количество научных данных, и считают, что время «волшебников-диагностов» миновало. На смену им пришел ученый коллектив. Д-р Свен Гундерсен, работающий в больнице имени Мэри Хичкок и стяжавший себе славу одного из лучших диагностов США, прямо говорит: «Правильный диагноз требует времени, известного природного таланта, опыта и бесконечного труда».

Это ничуть не умаляет значения современной техники. Ни один врач не может поставить окончательный диагноз сердечной болезни, не сделав электрокардиограммы, или установить эпилепсию без электроэнцефалограммы. Только биопсия позволяет с полной уверенностью определить рак. Показательно, что сами пациенты все чаще и чаще требуют лабораторных исследований, сознавая, очевидно, превосходство машины над человеческим умом.

В этом есть, однако, известная опасность. «Врачи должны противиться тенденции все больше полагаться на машину, — говорит д-р Джемс Б. Дили, главный радиолог бостонской больницы имени Питера Бента Бригама. — Наиболее полезный и широко применяемый при постановке диагноза аппарат — это рентген, но и он лишь дополнение к врачебному осмотру. Ибо даже и рентген хорош только в том случае, если хорош рентгенолог, изучающий снимки». Д-р Самуэл Левин, известный специалист по сердечным заболеваниям, работающий в той же больнице, предостерегает: «Без лаборатории и машины трудно обойтись, но нельзя приносить им в жертву изучение истории болезни и осмотр».

Постановка правильного диагноза требует от врача творческого воображения и умения отлично запоминать детали. Однажды д-ру Корбину Мойстеру позвонил из соседнего нью-хэмпширского городка коллега — домашний врач каких-то фермеров. Он хотел посоветоваться насчет своей пациентки, страдавшей жестокими периодическими запорами. Несколько раз ей собирались сделать диагностическую операцию и направляли с этой целью в больницу, но каждый раз кишечник опорожнялся до операции. Теперь она снова была больна. Не приедет ли д-р Мойстер, спрашивал домашний врач, посмотреть больную, а заодно и ее мужа, потому что с мужем происходит то же самое. Это показалось

д-ру Мойстеру интересной медицинской загадкой. Что могло вызвать одинаковое заболевание у мужа и жены? Как и где эти люди живут? Чем занимаются? Озадаченный врач отвечал, что его пациенты — обыкновенные скромные земледельцы, живущие на ферме, выстроенной полтораста лет тому назад, — вещь обыкновенная для этой части США. Однако в уме д-ра Мойстера уже вспыхнул диагностический сигнал.

— Вы когда-нибудь бывали у них? — осведомился он.

Врач ответил, что бывал.

— Откуда они берут воду? Из колодца?

— Да, они живут на уединенной ферме, а не в деревне.

— В дом вода поступает по трубам?

— Ну, конечно, — уже с оттенком нетерпения ответил врач.

— Вы не знаете, когда их провели?

Вопросы д-ра Мойстера явно рассердили домашнего врача.

— Не-ет, не знаю, — протянул он. — Но могу выяснить и сообщить вам.

Через полчаса врач позвонил снова.

— Представьте, вы правы, — сказал он. — Из колодца в дом ведут свинцовые трубы, а запасной резервуар тоже выложен свинцом. Они давно собирались переделать то и другое, но считали, что это не важно.

В XIX столетии многие жители Новой Англии прокладывали под землей свинцовые водопроводные трубы, потому что они не ржавеют. Д-р Мойстер помнил это и таким путем обнаружил причину болезни: муж и жена были жертвами хронического отравления свинцом. С помощью лекарств заболевание удалось излечить.

Разгадка тайны болезни может проявиться в чем угодно и при самых странных обстоятельствах. Как-то раз к бостонскому терапевту Эрлу М. Чапману явилась почтенная вдова. По ее словам, она всегда отличалась завидным здоровьем и энергией, любила заниматься садоводством, наблюдать птиц, гулять по пляжу. Но в последнее время она стала чувствовать слабость. Ее то лихорадило, то знобило, мучили жестокие головные и мышечные боли. Врач внимательно осмотрел ее, но не обнаружил никаких определенных симптомов. Он написал в истории ее болезни «Л. Н. П.» (лихорадка невыясненного происхождения) и направил в больницу.

Врач подозревал у нее вирусное воспаление легких, инфекционный гепатит, брюшной тиф, воспаление почек и почечных лоханок, подострый эндокардит, риккетсиоз. Ни одно из этих предположений не подтвердилось. Врач снова опросил больную, но она жила такой однообразной жизнью, что последний год ничем не отличался от предыдущих, когда она чувствовала себя здоровой. Никакой новой работой она тоже не занималась: гуляла, копалась в саду, никогда не поднимала ничего тяжелого, иногда взбиралась на лесенку, чтобы почистить кормушку. . .

— Какую такую кормушку? — заинтересовался д-р Чапман.

— Кормушку для птиц, — объяснила вдова, — я иногда чищу ее веничком.

И она принялась рассказывать о своей любви к птицам. Особенно восхищало ее семейство пурпурных чечевичников, прилетавших к кормушке. Но этим летом она, увы, вдруг обнаружила мертвого чечевичника. А потом мертвого дрозда, а потом еще малиновку. . .

— Вы не притрагивались к мертвым птицам? — спросил врач.

Нет, пациентка не притрагивалась. Тем не менее, д-р Чапман велел произвести лабораторное исследование ее слюны. Оно обнаружило пситтакоз, или попутайную болезнь. Предположение д-ра Чапмана о том, что пациентка могла заразиться, подметая птичий помет, подтвердилось.

При всех трудностях распознавания физических заболеваний, врач, кроме того, всегда должен иметь в виду то осложняющее обстоятельство, что многие из его пациентов страдают нервными расстройствами, вызывающими физические симптомы. Психосоматические заболевания, маскирующиеся под органические, нередко могут увести врача далеко в сторону. Причинами таких заболеваний могут быть смерть близкого человека, нежелательная беременность, супружеская неверность, ссора с родственниками и многое другое. Как бы то ни было, душевные расстройства являются теми возможностями, которые необходимо учитывать врачу. Недаром один бостонский врач как-то сказал, что «даже такая болезнь, как рак, может быть обусловлена психическими факторами».

Причины нервного расстройства, а значит и пути, ведущие к разгадке тайны болезни, бывают порой очень обманчивы. Настойчивость, с какой сам пациент подчеркивает те или иные события своей жизни, иногда только маскирует истину. Однажды д-р Чапман был едва не направлен по ложному следу рассказами больной об измене мужа. Пациентка, женщина средних лет, жаловалась на затуманенность зрения в левом глазу, на головные боли, сердцебиения и онемение ноги.

Когда она в первый раз пришла к д-ру Чапману, он, тщательно осмотрев ее, не нашел ничего ненормального, но посоветовал сделать рентгеновские снимки черепа и электроэнцефалограмму. Врач чувствовал, однако, что пациентка что-то скрывает. При втором визите она была более откровенна. С большими подробностями она рассказала доктору, что у ее мужа связь с соседкой. «Этого было достаточно, чтобы объяснить головные боли, — говорит д-р Чапман. — Но во время лабораторных исследований, с женщиной несколько раз случались обмороки. Они продолжались недолго: стоило больную уложить на кушетку, как она приходила в себя. Все же обмороки беспокоили меня. Я созвал консилиум, на котором мы пришли к выводу, что симптомы указывают на истерию, вызванную изменой мужа».

Пациентку положили в больницу. В тот вечер у себя дома д-р Чапман долго и мучительно думал о ее болезни. Он сосредоточенно листал медицинские журналы. И тут, по словам д-ра Чапмана, он неожиданно напал на точное описание симптомов болезни своей пациентки, симптомов, не имевших ничего общего с истерией. В журнале описывался случай шарообразной опухоли в затылочной доле мозга. Когда пациент вставал, опухоль закрывала крохотное отверстие, через которое вытекает спинномозговая жидкость. Это вызывало повышение внутричерепного давления, головные боли и обмороки. Но когда пациент ложился (или падал в обморок), опухоль уходила в сторону, открывая отверстие для истечения жидкости, давление падало и сознание возвращалось.

Операция подтвердила диагноз. Опухоль была удалена, и больная полностью поправилась. Не прояви д-р Чапман такого внимания при диагнозе, она могла бы погибнуть.

В данном случае на помощь врачу пришла специальная литература. Но бывает и так, что ключом к самым загадочным медицинским случаям служит какой-нибудь необычайный или единичный факт из жизни больного. Профессор медицинского факультета Дартмутского колледжа доктор Уилльям А. Тисдэйл вспоминает историю одного мясника, человека средних лет, страдавшего желтухой и болями в животе. «Кожа пациента, — говорит врач, — была покрыта аллергической сыпью, печень увеличена. Лабораторные исследования показали некоторое обызвествление печени. Мы диагностировали желчнокаменную болезнь и назначили его на операцию».

При обходе палат д-р Тисдэйл, специалист по болезням печени, разговорился с пациентом — «больше для того, чтобы развлечь его немного перед операцией». Больной вспомнил свое детство, проведенное в греческой деревне. «Вы родились в Греции?» — спросил врач. Пациент ответил, что родился он в Америке, но ребенком ездил с родителями в Грецию. Об этом факте не упоминалось в истории болезни, потому что пациент не придавал ему значения. Но для д-ра Тисдэйла он оказался исключительно важным.

«Я вспомнил про сыпь. Сыпь, желтуха, обызвествление печени и то обстоятельство, что пациент жил некоторое время в греческой деревне, все это навело меня на мысль об эхинококкозе — редком заболевании, которое вызывается паразитированием в организме ленточного червя. В средиземноморских странах этой болезнью, могущей оставаться годами в скрытом состоянии, страдают люди, которым приходится иметь дело с овцами».

Предположение д-ра Тисдэйла спасло жизнь пациенту, потому что при удалении желчных камней могло произойти разлитие эхинококкового пузыря, что угрожало смертельным исходом. Поэтому при операции были приняты необходимые меры. Хирург с большими предосторожностями приближался к печени, позади которой лежит желчный пузырь. Убедившись в том, что догадка д-ра Тисдэйла правильна, он тщательно дренировал и стерилизовал несколько больших эхинококковых пузырей. В настоящее время пациент совершенно здоров.

Как пришел к своему заключению д-р Тисдэйл? Он, в сущности, и сам не может этого объяснить. По его словам, он «просто вспомнил». Подобно сыщику, ставящий диагноз врач вспоминает. Он припоминает тоны сердца, трубы, отравляющие воду, и миллионы случаев лихорадки невыясненного происхождения. Он вспоминает экзотические болезни, вроде попутайной или эхинококковой. Окончив колледж, будущий врач должен еще пройти специальный курс обучения сроком от пяти до девяти лет. И все эти годы он учится тому, что́ и как надо помнить. Вот почему его умение отбрасывать одни предположения, подкреплять фактами другие и приходить таким путем к разгадке медицинской тайны — вовсе не кажется таинственным. Ибо разгаданная тайна перестает быть тайной. ▼

ПРИГОТОВИЛИСЬ? ПОШЛИ!

Фото Бруса Дэвидсона • С разрешения журнала *Спортс иллюстрейтэд*

Сердце, кажется, вот-вот выскочит из груди, ноги никак не могут устоять на месте, глазенки устремлены туда, где вдали виднеется линия финиша. Четверо ребят на самокатах собственного изделия устремляются по одной из нью-йоркских улиц. Хорошей гонщицей зарекомендовала себя одиннадцатилетняя Илона (вверху слева), братишка ее Ринг — ему девять лет — не имеет себе равных в *«шелги»* (*игра, напоминающая «блошки»*). Много хлопот у Илоны и Ринга, и каждый день приносит им что-то новое. То они «помогают» чинить паруса, то совершают тренировочную пробежку с боксерами, то часами рыбачат у большого озера в Центральном парке Нью-Йорка — словом, всего никак не перечесть.

КУДА ПОЙТИ, ЧЕМ ЗАНЯТЬСЯ В НЬЮ-ЙОРКЕ?

Ринг обожает бейсбольные матчи на стадионе (вверху справа), лошадь Лестера и шахматные сражения с сестрой, которые он, впрочем, обычно проигрывает. На дорожках парка брат и сестра с увлечением играют в «классы» (слева). Но больше всего Илоне и Рингу нравится пляж. «Мы любим рассматривать следы птичьих лапок на песке», — говорит Илона.

В когда-то обветшалых районах Сан-Франциско выросли жилые дома с недорогими квартирами.

ИХ ВТОРАЯ ШКОЛА

SWAP — сокращенное название одной из студенческих организаций университета Сан-Франциско. На американском разговорном языке слово «swap» значит «обмен товарами или услугами», и оно очень хорошо передает характер деятельности этой организации. Правда, совпадение здесь совсем случайное, так как слово составлено из начальных букв названия «Students' Western Addition Project», то есть, в развернутом переводе, «Студенческая культурно-просветительная работа на Западных новостройках». Студенты бесплатно обучают нуждающихся детей и подростков из перестраиваемых сейчас обветшалых районов. Сами же они получают взамен возможность ближе ознакомиться с обстановкой нужды и лишений и приобретают опыт в борьбе с этим злом.

Католический университет Сан-Франциско, — в стенах которого, кстати сказать, много преподавателей и студентов некатоликов, — известен чутким отношением к социальным вопросам. Часто цитируемый девиз университета гласит: «Город — наша вторая школа». За холмом, на котором раскинулся университетский городок, у самого его подножья, возник новый микрорайон, приютивший проживавшее здесь преимущественно негритянское население, с вкрапленными в его толщу семьями американцев мексиканского и восточноазиатского происхождения. Новые жилища, построенные на отпущенные Федеральным правительством и Международным профсоюзом портовых грузчиков и складских работников средства, имеют привлекательный вид, квартирная плата и покупная цена домов (приобретаемых с многолетней рассрочкой платежа) отличаются умеренностью. В районе селятся теперь и многие белые семьи. И радостно видеть, как ребятишки разных рас — негры и белые, мексиканцы и азиаты — вместе резвятся на детских площадках. Уровень жизни обитателей этих благоустроенных жилищ достаточно высок. Но живущие на соседних улицах негры, недавно переселившиеся из южных штатов, — плохо образованы и из-за отсутствия нужных квалификаций часто остаются без работы. Они не приспособлены к городскому образу жизни и отличаются забитостью, порожденной бедностью и социальным неравенством.

Гражданская война сто лет тому назад освободила их от рабства, но не сделала полноправными гражданами. Последовавший за ней период реконструкции не достиг намеченных целей и не обеспечил им равных с белым населением возможностей и равного доступа к образованию. Северные и западные города, куда в настоящее время массами переселяются негры, стоят перед серьезными проблемами, порожденными той заброшенностью, в которой так долго пребывал американский негр, и только теперь берутся за разрешение этих проблем и приступают к залечиванию социальных язв.

Вот почему у многих негритянских семей, живущих в Западных новостройках, нет ни интереса к книгам, ни особого стремления дать детям даже минимальное образование. Слабо развито у них и сознание, что они полноправные граждане Сан-Франциско и могут пользоваться всеми ресурсами города для осуществления той хорошей жизни, ради которой они покинули Юг. Совет Западных новостроек, в котором представлена и организация SWAP, привлекает к работе все общественные организации города в своем стремлении поднять культурный уровень жителей района.

SWAP возникла года два назад, когда два студенческих лидера с общественной жилкой явились к д-ру Ралфу Лейну, главе отделения социологии Сан-Францисского университета и руководителю студенческой самодеятельности. Один из студентов был белый — Джо Сантана, другой негр — Джо Иглин, оба сравнительно обеспеченные молодые люди из семей среднего достатка. «Мы хотим заняться чем-нибудь полезным», — заявили они д-ру Лейну. Тот посоветовал им сосредоточить внимание на ближайших нуждах их соседей за холмом — детей из района Западных новостроек.

Оба Джо обратились за помощью к товарищам-студентам — и «колесо завертелось». Прежде всего они организовали внешкольные занятия для неуспевающих детей и подростков — некоторые среди них едва умели читать. Восемь членов SWAP, включая обоих Джо, занялись репетиторской работой в общественном зале Вефильской африканской методистско-епископальной церкви: за каждым столом сидело по три ученика и один студент-репетитор. А год спустя штат репетиторов студенческой организации дошел до ста человек, и занятия ведутся в четырех учебных центрах. Два раза в неделю, по одному часу студенты занимаются с детьми младшего возраста, а раз в неделю, по два с половиной часа, — с подростками. После уроков детям отводится время для игр, а матери потчуют ребят домашними печеньями и лимонадом.

Следующим почином организации было устройство спортивных упражнений под руководством инструкторов по субботам и после школы по будним дням на спортивных площадках университетов. Вскоре студенты добавили к этому субботние экскурсии в художественные и естественнонаучные музеи, на Рыбачью пристань, в парк Золотых Ворот, на океанские пляжи, в зоопарк, к плавательным бассейнам, на заводы, в научно-исследовательские институты и, конечно, в университет, куда, надо надеяться, многие молодые негры смогут со временем поступить. Часто экскурсии связываются непосредственно с тем, что дети проходят в школе, а на заводах и фабриках негритянские учащиеся видят, как негры работают бок о бок с белыми, как и они когда-нибудь смогут работать.

Чтобы дать ребятам более живое представление о различных профессиях, устраиваются беседы, посвященные отдельным отраслям труда. Беседы иллюстрируются диапозитивами и кинофильмами, а в качестве докладчиков часто приглашаются негры, преуспевающие на соответствующих поприщах.

Помимо серьезных занятий, программа предвидит и ряд развлечений, вроде концертов собственного духового оркестра, выступлений дудочников и барабанщиков, хорового пения, любительских спектаклей. SWAP приступила к созданию целого «детского театра», в котором дети все делают сами — от изготовления декораций и костюмов до игры на сцене.

К работе с молодежью Западных новостроек Сантана и Иглин привлекли все студенческие кружки и клубы. Список этих клубов внушителен: Атлетический, Любителей ораторского искусства, Биохимический (для тех, кто готовится к научной деятельности), Коммерческий (для интересующихся деловой карьерой), Международный (выступления представителей разных стран), Гавайский (пение, пляска, гитара), кружки хоровой и дудочников (оркестр волынщиков). Члены Социологического клуба помогли совету Западных новостроек провести опрос жильцов, чтобы выяснить, почему они недостаточно широко пользуются услугами пунктов здравоохранения и принимают так мало участия в общественной жизни. Полученные данные были использованы для разработки мероприятий, имеющих целью улучшить положение вещей.

SWAP — организация добровольная и в значительной степени децентрализованная. Каждый участок деятельности возглавляется соответствующим клубом или инициативной группой. Руководители раз в неделю совещаются с д-ром Лейном и обоими Джо. Члены SWAP собираются обычно в одной из студенческих гостиных за чашкой кофе или стаканом кока-колы, а затем направляются в район построек и там приступают к исполнению своих разнообразных обязанностей. Ежемесячно они присутствуют на заседаниях совета Западных новостроек. В рамках школьной системы они сотрудничают с комитетами по культурному сближению этнических групп, а также с комитетом по выбору специальности. Студенты-католики всей группой раз в месяц ходят в церковь Св. Игнатия, где для студентов служат специальную мессу.

«С ребятами отношения у нас прекрасные, — говорит Сантана. — Мы привязались к ним, а они к нам. Хоть мы и заставляем их много работать, но и для забавы находится время. Часто

мы просто болтаем с ними об их делах и заботах. Говорим мы с ними на их языке. Самое же главное, кажется мне, это то, что все мы еще достаточно молоды, а в таких условиях легко стираются и различия между нами.

«Иной раз слышишь вдруг, как какой-нибудь паренишка с Юга заявляет: «Я ведь из Алабамы» — или какого-нибудь другого южного штата. Тогда мы сейчас же говорим ему: «Послушай, братец, это не так: ты из Сан-Франциско, ты настоящий „сан-францисканец", вот кто ты». Попадая впервые на территорию университета, ребята обычно робеют. Но, побывав в университете несколько раз, кое-кто из них начинает подумывать, что со временем и он будет студентом, если приналяжет на учебу. Ребята нас не боятся, не смотрят на нас как на покровителей: для них мы своего рода старшие братья».

Несомненный успех деятельности SWAP привел Сантану и Иглина, при содействии д-ра Лейна, к разработке еще более широкого плана. План этот предусматривает создание фонда особых стипендий и состоит в следующем. Школы выбирают кандидатов на стипендии из числа подающих надежды юношей негров — не обязательно «отличников» или «особо одаренных», но достаточно «способных», чтобы успешно пройти университетский курс. К каждому стипендиату прикрепляется один из студентов — «старших братьев». Он заботливо следит за развитием своего подопечного и руководит им, пока тот учится в средней школе. Затем он вводит его в университет и помогает ему освоиться со студенческой жизнью. Обосновавшись в университете, молодой студент негр из «подшефного» сам становится «старшим братом» одному из подростков Западных новостроек. В данный момент изыскиваются средства, необходимые для проведения этой программы в жизнь.

Студенческая инициатива в области общественной работы, наблюдаемая в университете Сан-Франциско, — лишь один из примеров той тяги к служению, которая растет среди студенчества по всей стране. Вот несколько других:

* Учителя-практиканты при Педагогическом институте в Сан-Хозе применяют специальную методику для выработки навыков чтения у детей из местной колонии мексиканских переселенцев, плохо владеющих английским языком.
* Студенты члены Христианского союза молодых людей при Калифорнийском университете в Беркли принимают живое участие в воспитательной работе среди выпущенных на поруки малолетних правонарушителей. Каждый студент выбирает в товарищи одного из них и помогает ему вновь найти себе место в обществе.
* Христианский союз молодых женщин при Калифорнийском университете проводит в жизнь программу, известную под названием «Выбор специальности». Члены этой организации — студентки различного расового происхождения — организуют экскурсии детей школьного возраста из бедных малокультурных семейств. Экскурсии эти преследуют общеобразовательные и специальные цели. После экскурсий студентки устраивают приемы у себя в общежитии.
* В Помона-колледже в Клермонте (Калифорния) недавно состоялось студенческое совещание по вопросу о человеческих взаимоотношениях. Совещание ставило себе целью привлечь студенчество Западного побережья к изучению проблемы гражданских прав, чтобы подготовиться к «более сознательной работе в этой области».
* В отделении Калифорнийского университета в Санта-Барбара группа студентов-общественников «Контакт» организовала занятия с неуспевающими детьми в негритянских районах города.
* При Помона-колледже находится центр недавно организовавшегося Западного студенческого движения, объединяющего учащихся ряда калифорнийских высших учебных заведений. Деятельность новой организации направлена главным образом на обучение молодежи (в особенности подростков 11–13 лет), принадлежащей к различным этническим меньшинствам. Организация построена по образцу Северного студенческого движения, ведущего работу в негритянских районах больших городов Северо-Востока.

Целый ряд факторов — как социальных, так и личных — объясняет наблюдаемый в настоящее время рост активного участия студенчества в общественной деятельности. Что, например, заставило наших тезок Джо, основателей SWAP, заинтересоваться социальными проблемами? Джо Сантана рос в зажиточной семье, в обстановке благоустроенного загородного дома. Джо Иглин, сын негров интеллигентов, представителей свободных профессий, получил образование в хорошей частной школе.

Джо Иглин отвечает на этот вопрос просто: он хочет быть полезным людям своей расы. Он находит, что слишком много образованных негров не желают «возвращаться домой». Полученное образование они используют для создания себе положения в обществе — в лучшем случае, чтобы занять видное место в руководстве негритянским движением, а то и просто в личных интересах. Но они не возвращаются в кварталы бедноты, откуда сами вышли, они не занимаются работой среди городских низов. Иглин, готовящийся стать специалистом по градостроительству и планированию, намерен работать в тесном контакте с более обездоленными представителями своей расы при посредстве таких «низовых» организаций, как SWAP.

Решение Джо Сантаны созрело под влиянием религиозного чувства. В католической средней школе в Сан-Хозе он вступил в братство, двумя основными требованиями которого было духовное самосовершенствование и служение обществу. Объект для такого служения намечался с несомненной очевидностью в восточных кварталах Сан-Хозе. Там члены братства приступили к энергичной борьбе с явлениями социальной дезорганизации и с ее последствием — плачевным положением детей. Из заброшенного пыльного пустыря члены братства создали детскую площадку. Потом при поддержке родителей и с помощью пожертвованных строительных материалов они построили общественный центр, где устраивались собрания, праздновались свадьбы и семейные торжества. Тут же открылись курсы кройки и шитья для матерей, а для детей были организованы кружки самодеятельности.

«Раз увидев нечто подобное, забыть это трудно, — говорит Сантана. — Сердце все время ноет и заставляет вас идти дальше по добровольно избранному пути».

ЭВЕЛИН С. СТЮАРТ

Студент Сан-Францисского университета Джо Иглин помогает неуспевающим догнать одноклассников. Вместе с ними он также играет и устраивает экскурсии.

Интерьеры помещения оборудованы кондиционерами. В доме 10 комнат, общей площадью в 200 кв. м. Слоистые деревянные балки — опора кровли из прессованной древесной массы; секции крыши склеены снаружи лентами из стекловолокна.

КРУГЛЫЙ ДОМ В ПОДНЕБЕСЬЕ

Фото **ДЖУЛИУСА ШУЛЬМАНА** • Цветные клише журнала *Лайф*

Над Голливудскими холмами в Лос-Анжелесе возвышается странная грибообразная конструкция. Издалека она похожа на «летающее блюдце», на самом же деле сооружение прочно прикреплено к основанию новой растворной смесью особой вязкости. Чтобы проверить эффективность этих растворов, строитель Джон Лаутнер поставил восьмиугольное сооружение на один-единственный несущий элемент — девятиметровую пустотелую железобетонную колонну диаметром в полтора метра. К колонне теми же вяжущими материалами прикреплены стальные консоли, лучами расходящиеся вверх и служащие опорой для сооружения. Постройка не боится ни землетрясений, ни ветров, так как колонна покоится на подземной бетонной плите толщиной в метр и шириной в шесть метров.

Компактному жилищу, план которого показан слева, не хватает лишь двора, где могли бы резвиться дети. Вместо этого им приходится довольствоваться своеобразным фуникулером; весело катаются они на постукивающей вагонетке — единственном средстве сообщения с внешним миром.

Владелец дома Леонард Мейлин поднимается в вагонетке по рельсам (их длина — почти 40 м), ведущим ко входу справа. На бетонной колонне дом установлен эксцентрично, что делает его еще более устойчивым при землетрясении и сильных ветрах.

Из столовой-гостиной открывается чудный вид на долину Сан-Фернандо (внизу). Во всех комнатах панорамные окна. Дом этот принадлежит к разряду дорогих, но многие конструктивные элементы его можно использовать в дешевых жилищах.

Гилберт М. Кресс

ЗА КРУГЛЫМ СТОЛОМ

Заключение коллективных договоров в США

Место действия — большой номер нью-йоркской гостиницы «Сити Скуэр». Время — погожее весеннее утро 1964 года. Воздух в комнате, выкрашенной в темно-красный и кремовый цвета, насквозь пропитан табачным дымом — неизменным спутником горячих и продолжительных споров. В центре внимания Джордж Миллер, худощавый темноволосый мужчина лет под пятьдесят. Встав со стула, он поражает всех присутствующих своим ростом. Напряженная работа оставила явные следы на его лице. Миллер — районный председатель профессионального Союза американских работников связи, членами которого состоят преимущественно служащие телефонных компаний. Помимо обычных профсоюзных дел, в обязанности председателя входит ведение переговоров по заключению коллективных договоров для 50 000 членов союза в штате Нью-Йорк и семи других штатах.

Кроме Миллера, в комнате еще пять человек. На их бледных сосредоточенных лицах — выражение крайней усталости. Это председатели пяти нью-йоркских ячеек профсоюза, они же члены нью-йоркского районного комитета по ведению переговоров. Вот уже более месяца длятся напряженные и подчас достигающие большой остроты переговоры с представителями Нью-Йоркской телефонной компании. Стороны обсуждают пункт за пунктом нового коллективного договора, определяющего ставки заработной платы, условия труда и многое другое. Договор охватывает 24 000 работников Телефонной компании и заключается на трехлетний срок.

БАСТОВАТЬ ИЛИ НЕ БАСТОВАТЬ?

Стараясь оправдать доверие, оказанное им рядовыми членами профсоюза, посредники энергично принялись за дело в надежде достичь многого. Однако, вскоре переговоры зашли в тупик. Представители профсоюза обескуражены, на смену оптимизму пришли усталость и раздражение, самолюбие их сильно страдает. Не поставить ли на голосование членов профсоюза вопрос о забастовке, задумываются они. Однако, согласно уставу профсоюза, голосование о забастовке можно провести лишь с разрешения всеамериканского профсоюзного руководства, представителем которого и является Джордж Миллер. Следует заметить, что Нью-Йоркская телефонная компания — это филиал Американской телефонной и телеграфной компании, обслуживающей всю страну; поэтому переговоры ведутся с учетом общенациональных интересов. Таким образом, отстаивая свои позиции в переговорах, профсоюз должен следовать общей стратегии. И если районный комитет стремится к быстрой победе локального характера, то Миллеру нужно думать о многом другом.

Для предыдущего поколения рабочих, в бурные 1930-е годы, такой тупик в переговорах был бы сигналом «взяться за кирпичи», что означало на профсоюзном жаргоне объявить стачку, в результате которой была бы почти полностью расстроена телефонная связь. И тогда компания, во избежание больших финансовых потерь, пошла бы на соглашение. Но времена изменились. Телефонные компании израсходовали сотни миллионов долларов на установку автоматического оборудования, благодаря которому телефонную связь можно теперь обеспечить в течение длительного периода времени, пользуясь услугами лишь одного руководящего персонала, не состоящего в профсоюзе. Таким образом, ныне руководителям профсоюзов приходится взвешивать свои шансы: превысят ли завоеванные путем забастовки материальные преимущества те потери в заработной плате, которые понесут рабочие за время прекращения работ?

Но Миллер учитывает и другие возможные последствия забастовки. Союз американских работников связи только три года назад добился права представлять служащих Нью-Йоркской телефонной компании, и это после десятилетней борьбы с Международным братством рабочих электропромышленности и с другим независимым местным профсоюзом. В настоящее время легко поддающиеся объединению в профсоюзы отрасли американской промышленности почти полностью охвачены профессиональным движением, поэтому борьба между различными профсоюзами за привлечение еще не примкнувших к организации рабочих носит довольно острый характер. Это, пожалуй, одна из основных проблем рабочего движения. Миллер и его сотрудники по общенациональному профсоюзу считают более разумным на некоторое время воздержаться от дальнейшего обострения борьбы, чтобы дать профсоюзу время окрепнуть для решительного столкновения с Телефонной компанией, когда настанет более благоприятный момент.

Впрочем, Джордж Миллер считает, что время для этого еще не созрело. Чутье подсказывает ему, что компания еще не открыла всех своих карт и кое-какие предложения скрывает, чтобы использовать их как последнюю меру в переговорах, то есть пойти на уступки. Компания уже согласилась на значительное повышение зарплаты, в среднем более чем на 5 долларов за 40-часовую рабочую неделю, доведя таким образом средний недельный заработок до 146,5 доллара. Было принято также и требование профсоюза о включении в договор целого ряда дополнительных привилегий помимо денежного вознаграждения. Изменение пенсионного плана увеличит размер средней пенсии до 300 долларов в месяц, из коих 125 долларов выплачивает государство в соответствии с законом о социальном обеспечении. Ежегодный отпуск с сохранением содержания увеличится с двух до трех недель для прослуживших в компании более десяти лет. В переводе на деньги новые дополнительные преимущества выразились бы в сумме почти 11 центов в час, или более 4 долларов в неделю. Вместе с другими улучшенными условиями договора прибавка составит около 25 центов в час, или 10 долларов в неделю. Это одно из наиболее выгодных предложений во всей телефонной промышленности США за 1964 год.

Однако компания до сих пор отказывается удовлетворить в районе Нью-Йорка требование профсоюза о частичной оплате расходов рабочих по медицинскому страхованию, хотя в других районах страны она пошла на это. Компания отказалась также рассмотреть требование профсоюза о повышении ставок 2000 конторских служащих и об уменьшении разницы в оплате труда работников различных географических зон. Обе стороны зашли в тупик и по таким относительно второстепенным вопросам, как дата вступления в силу нового коллективного договора (дело в том, что переговоры затянулись дольше обычного из-за борьбы с Союзом рабочих автогрузового транспорта) и срок действия договора.

СВОБОДА МАНЕВРИРОВАНИЯ

По всем этим соображениям Миллер предлагает районному профсоюзному комитету не ставить на голосование вопрос о забастовке до тех пор, пока не станут полностью известны позиции компании, которая еще не сказала своего последнего слова. Миллер советует представителям профсоюза подождать до следующего заседания. И лишь тогда, если комитет по-прежнему будет настаивать на проведении голосования о забастовке, он даст свое согласие.

Утомленные переговорами, члены комитета нехотя принимают предложение Миллера. В описываемый день (в среду) табачный дым в номере 3 Б особенно сгустился, терпения поубавилось, реплики стали резче. Одни остаются непреклонными в своих требованиях, другие же считают, что бастовать из-за них не стоит. Наконец, к семи часам вечера удается выработать приемлемые для всех «минимальные условия», которые передаются в комитет представителей компании, заседающей в том же коридоре в номере 3 Е. Угроза забастовки производит должное действие на представителей компании, и они не медля принимаются за дело. В четверг к трем часам утра «окончательное предложение» готово. Как и предполагал Миллер, компания пошла на уступки в вопросах о больничном страховании, а также о дате вступления в силу договора и о сроке его действия. Но из 2000 конторских служащих компания готова повысить ставки лишь пятистам и наотрез отказывается от каких-либо перемен в зональной оплате труда.

Очередь за номером 3 Б. Джордж Миллер прямо заявляет, что, по его мнению, предложение компании — это максимум возможного, и за-

бастовкой большего не добьешься. Ни одна телефонная компания в этом году не согласилась на столь выгодный для трудящихся договор.

Щедрость здесь, конечно, ни при чем. Телефонная компания не питает особых симпатий к профсоюзам и всячески сопротивляется их требованиям. Однако руководство ее понимает, что вмешательство в переговоры другого профсоюза придаст борьбе с профсоюзом работников связи затяжной характер и нанесет серьезный ущерб делу. Поэтому компания и предлагает выгодные для профсоюза условия, пытаясь тем самым избежать постороннего вмешательства.

Но усталые члены комитета по переговорам раздражены отказом компании принять их «минимальную программу» и хотят поставить на профсоюзном собрании вопрос о забастовке. Некоторые намекают, а другие просто открыто заявляют, что если Миллер не поддержит членов комитета, то у него могут возникнуть затруднения при перевыборах в следующем году. В конце концов, кое-как удается прийти к компромиссу: Миллер обещает передать вопрос о предложениях компании на голосование в профсоюз; однако при этом решено воздержаться от каких-либо рекомендаций, касающихся забастовки. Джордж Миллер тут же составляет подробное письмо, которое будет разослано 24 000 членов профсоюза нью-йоркского района. «Голосование дело ответственное, — говорится в письме. — Любая уступка со стороны компании после начала забастовки невольно вызовет вопрос: стоило ли все это принесенных нами жертв?»

После подсчета голосов выясняется, что две трети высказались за принятие условий, предложенных компанией, и против забастовки. Новый договор обеспечит каждому работнику Телефонной компании, помимо недельного заработка в 146,5 доллара, ряд других преимуществ, что составит примерно еще около 25 долларов.

ТЯЖЕЛАЯ БОРЬБА ПРОФСОЮЗОВ

Все происходившее в нью-йоркской гостинице «Сити Скуэр» может служить наглядным примером того, как ведутся переговоры о заключении коллективных договоров, общее число которых в США на 1964 год достигло 100 000, причем в большинстве случаев удалось избежать забастовок. Правда, недельной прибавки в десять долларов добились не все. Но и не все переговоры вызывали столь острые споры среди профсоюзного руководства, хотя без споров обходилось редко. Однако все это — последствия процесса заключения коллективных договоров, который в свою очередь является результатом трехсотлетнего развития экономики, техники и политического самосознания Америки.

В любом индустриализирующемся обществе по мере увеличения размера промышленных предприятий уменьшается удельный вес рабочего в переговорах о собственной зарплате и об условиях труда. Поэтому трудящиеся большинства стран начали общими усилиями добиваться улучшения своего положения. Они стали объединяться, и их совместное отстаивание общих интересов приняло форму «коллективных переговоров». Если им не удавалось переговорами добиться своего, они прибегали к крайним мерам, тормозившим ход торговли и уменьшавшим прибыли предпринимателей. Трудящиеся бастовали или устраивали бойкоты, то есть проводили кампанию за отказ от товаров и услуг тех предприятий, которые занимали неблагоприятную позицию по отношению к профсоюзу.

Профессиональные организации существовали в Америке с появлением городов. Вначале это были объединения ремесленников в небольших городах тогда еще преимущественно аграрной страны. Позже, с ростом городов, ремесленники различных специальностей стали объединяться в общегородские советы для взаимной поддержки при забастовках или ведении переговоров. После окончания войны между Севером и Югом в 1865 году, когда торговля благодаря железным дорогам приобрела общенациональный характер, профсоюзы стали стремиться к объединению на общенациональной основе с тем, чтобы обеспечить свои позиции в ведении переговоров с торгово-промышленными фирмами.

Но развитие профсоюзов натолкнулось на огромные трудности. До начала 1930-х годов работодатель без труда добивался судебного предписания, запрещающего забастовку. Если же забастовка начиналась вопреки предписанию суда, руководителям профсоюза грозил штраф или тюремное заключение. Согласно антитрестовским законам, направленным против монополистических объединений, профсоюзы могли быть привлечены к судебной ответственности, как «рабочие монополии», с предъявлением исков на сумму, в три раза превышающую потери предприятия в результате забастовки; это вело к финансовому краху профсоюза. Кроме того, работодатели могли требовать от рабочих и служащих подписания так называемого «собачьего соглашения», запрещавшего им вступление в профсоюз. В 1900 году в профсоюзах состояло менее 800 000 человек, а к 1933 году число их членов возросло всего до 3 000 000.

Экономическая депрессия и рузвельтовский Новый курс полностью изменили отношение законодательных органов и правительства к профессиональным союзам. Принятый в 1932 году, перед самым началом Нового курса, закон Норриса-Ла Гвардия объявил противозаконными антипрофсоюзные постановления суда. Закон Вагнера от 1935 года обеспечил рабочим право объединяться, объявил вне закона «собачьи соглашения», освободил профсоюзы от подчинения антитрестовским законам и обязал работодателей признавать организации, представляющие большинство их рабочих и служащих, и вести с ними переговоры. В течение 25 лет число членов профсоюзов увеличилось приблизительно до 17 000 000, благодаря чему профсоюзное движение стало мощным фактором экономической и политической жизни Соединенных Штатов. Успехи, достигнутые в переговорах с работодателями, сыграли важную роль в повышении жизненного уровня не только членов профсоюзов, но и значительной части остальных трудящихся, заработная плата которых часто стала соответствовать ставкам, предусмотренным профсоюзными коллективными договорами.

ЕДИНСТВО И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

Независимые профсоюзы работников телефонной связи начали создаваться вслед за вступлением в силу закона Вагнера. Однако они не были связаны между собой и не входили в единую общеамериканскую профсоюзную организацию. Таким образом роль этих профсоюзов при переговорах в сравнении с Американской телефонной и телеграфной компанией, охватывавшей всю страну, носила ограниченный характер. В 1939 году независимые телефонные профсоюзы объединились в не слишком сплоченную организацию — Национальную федерацию работников телефонной связи. Но и это не обеспечило достаточной координации для ведения переговоров в национальных масштабах. Тогда в 1946 году независимые профсоюзы добровольно отказались от своей автономии и создали Союз американских работников связи (САРС). Однако в 1947 году состоялась семинедельная забастовка, в которой приняли участие 450 000 человек. Вызвана она была, по мнению профсоюзов, решением компании уничтожить новую национальную профсоюзную организацию. В результате забастовки произошел раскол. Большинство профсоюзов осталось с САРС. Другие создали Организационный комитет работников телефонной связи при Конгрессе производственных профсоюзов (КПП) — основанной еще в 1935 году организации, в которую входило большинство индустриальных профсоюзов. Остальным вновь удалось организовать независимые профсоюзы. В 1949 году САРС и КПП заключили соглашение, в результате которого Союз американских работников связи вошел в КПП. Тем временем САРС, часто соперничая с профсоюзом электриков, продолжал вести борьбу за объединение остальных независимых профсоюзов. В 1950 году САРС реорганизовался для усиления централизации переговоров, которые стали протекать в обстановке, похожей на описанную выше в нью-йоркской гостинице.

Но пока профсоюзы были заняты разрешением своих внутренних проблем, возникли трудности внешнего характера. Если в 1930-е годы контор-

ские служащие в большинстве своем относились к профсоюзам положительно, то в конце 1940-х они начали выступать против них. Это отчасти было результатом многочисленных забастовок, прокатившихся по всей стране во второй половине 1940-х годов. С помощью забастовок профсоюзы, нередко в ущерб благополучию остального населения, старались окончательно закрепить достигнутые во время войны преимущества, одним из которых была высокая зарплата. Кроме того, многие опасались некоторых не в меру ретивых профсоюзных руководителей.

Организованные в профсоюзы рабочие перестали быть эксплуатируемой частью населения. По доходам своим они опередили так называемый «средний класс». Профессор литературы обнаруживал, что зарабатывает меньше водопроводчика, чинившего в его доме санузел, и это его возмущало. Живущий на свой скромный оклад банковский служащий замечал, что дом соседа-механика куда лучше его собственного, и это ему не нравилось. Владелец цветочного магазина вдруг узнавал, что по правилам профсоюза он не имеет права сидеть за рулем своего грузовика, а должен нанимать водителя. Это ему, естественно, тоже было не по душе.

КОНГРЕСС ПРИНИМАЕТ МЕРЫ

Учитывая столь резкую перемену общественного мнения, Конгресс в 1947 году принял закон Тафта-Хартли. Некоторые методы, применявшиеся более агрессивными профсоюзами при забастовках и пикетировании, были запрещены, как «неправомерные». Закон установил легальную процедуру отсрочки и, по возможности, отмены забастовок в таких основных отраслях народного хозяйства, как сталелитейная промышленность и железные дороги, где прекращение работ наносило серьезный ущерб общественным интересам. Наконец, противозаконными были объявлены некоторые условия, включения которых в коллективные договоры требовали профсоюзы.

Позже, в начале 1950-х годов, в результате проведенных Конгрессом расследований было обнаружено взяточничество со стороны некоторых лидеров профсоюзов, а также превышение власти по отношению к рядовым членам, что противоречило демократическим принципам руководства. В результате этих разоблачений закон Тафта-Хартли был дополнен законом Ландрума-Гриффина. Последний установил более строгий контроль над профсоюзными фондами, защищая, таким образом, финансовые интересы членов профсоюзов, а не их руководителей. Закон также предусматривал укрепление демократических начал в работе профсоюзов. Хотя принятие этих двух законов и вызвало горячие протесты со стороны профсоюзов, но к существенному ослаблению рабочего движения оно не привело. Однако оба закона тормозили объединение трудящихся в южных штатах, где профсоюзное движение развивалось слабее, чем в других районах страны.

Пока шла борьба на законодательном фронте, профсоюзы продолжали успешно вести коллективные переговоры. Теперь в договор уже включалось не только повышение ставок, но и целый ряд так называемых дополнительных льгот и привилегий. В 1949 году Союз объединенных рабочих сталелитейной промышленности впервые за всю историю коллективных договоров добился для своих рабочих пенсий, помимо выплачиваемых им по закону 1935 года о социальном обеспечении. Пример оказался заразительным, и многие договоры стали предусматривать пенсии. В настоящее время активы пенсионных фондов, созданных коллективными договорами, составляют более 50 миллиардов долларов. Профсоюзы добились от работодателей обеспечения своим членам пособий по безработице в случае увольнения при неблагоприятной экономической конъюнктуре. Эти пособия по безработице выдаются в дополнение к выплачиваемым штатами. Затем последовала оплата работодателями больничного и медицинского страхования, о чем и велись переговоры этой весной между Союзом работников связи и Нью-Йоркской телефонной компанией. Теперь некоторые профсоюзы хотят добиться от работодателей оплаты зубоврачебных расходов. В нескольких случаях по условиям коллективного договора рабочие участвуют в прибылях предприятия или получают часть средств, сэкономленных благодаря техническому прогрессу.

В 1950-х годах произошли большие перемены, а с ними изменился и характер переговоров о коллективных договорах. В 1930-х и 1940-х годах профсоюзы, добиваясь повышения зарплаты и улучшения условий труда, обычно рассчитывали на поддержку правительства, а если дело доходило до забастовки, то представители правительства обычно уговаривали компанию пойти на дополнительные уступки, чтобы прекратить забастовку и дать возможность трудящимся вновь приступить к работе. Но во избежание инфляции как следствия быстрого повышения зарплаты, последние десять лет политика правительства направлена против увеличения ставок. Ввиду общего повышения цен и усиления конкуренции работодатели начали упорнее сопротивляться чрезмерным требованиям профсоюзов. Таким образом целый ряд профсоюзных руководителей оказался в положении Джорджа Миллера. Им приходится доказывать рядовым членам, что добиваться крупных уступок со стороны работодателей сейчас не так просто, как раньше. В то же время, по мере роста автоматизации, профсоюзы стали не только настаивать на увеличении зарплаты, но и требовать гарантирования постоянной работы или переподготовки.

БОРЬБА И ПРЕОДОЛЕНИЕ ТРУДНОСТЕЙ

Районный председатель Союза американских работников связи Джордж Миллер учитывает эти тенденции, которые влияют на ход коллективных переговоров в США. Однако ему некогда задумываться над этим вопросом. Слишком много времени занимают проблемы местного характера. Лишь только закончились нью-йоркские переговоры и начались обычные в таких случаях приветственные речи и рукопожатия, как он уже летел в Бостон для обсуждения организационной кампании на одном из производств электронных приборов (САРС охватывает не только телефонные компании, но и фирмы, производящие электронное оборудование). Оттуда нужно поспеть в Сиракузы, чтобы попытаться довести до благополучного исхода зашедшие там в тупик переговоры о заключении коллективного договора. На следующей неделе он уже в Вашингтоне: здесь нужно провести кампанию за присоединение одного независимого профсоюза в штате Род-Айленд к САРС. Из Вашингтона Миллер возвращается в свою скромно обставленную контору в Ньюарке, штат Нью-Джерси, на берегу Гудзона против Нью-Йорка. Тут его ожидает гора писем и бумаг, которыми всегда завален его стол. В голове мелькают мысли о нью-йоркских делах и уже намечаются кое-какие планы. Попыток со стороны других профсоюзов утвердиться за счет САРС пока не предвидится. Выгодные условия нового договора должны успокоить недовольных среди рядовых членов. Но надо постоянно быть начеку, так как руководители конкурирующего профсоюза только и ждут какого-нибудь промаха, чтобы использовать его в своих целях.

Что касается следующего договора, который будет заключен в начале 1967 года, то финансовые преимущества его будут зависеть от общего экономического положения. Если народное хозяйство будет на подъеме и дела компании пойдут хорошо, профсоюз сможет предъявить больше требований, чем в неблагоприятный год. Что касается дополнительных привилегий, то в этом вопросе Миллер следует за пионером американского профсоюзного движения Самуэлом Гомперсом, сформулировавшим свою политику кратким словом «еще». Компания начала платить четверть суммы взносов по больничному медицинскому страхованию, а через два года будет платить половину. На следующих переговорах профсоюз, разумеется, потребует большего. На сей раз компания согласилась на увеличение пенсий, но вопрос этот будет поставлен и в следующий раз. Кроме того, в сердцах профсоюзников теплится надежда на четвертую неделю ежегодного отпуска для тех, кто проработал в компании более пятнадцати лет.

Нерешенный вопрос о компенсации для конторских служащих несомненно будет вновь выдвинут на переговорах. Пойдет ли профсоюз в связи с ним на риск забастовки, будет зависеть от экономического положения и от внутренней политики профсоюзов. Что же касается будущего самого Джорджа Миллера — перевыборы через год — то, учитывая столкновение с местными руководителями, членами комитета по переговорам, он спокойно констатирует: «Оппозиции в следующий раз мне не избежать».

Многие могут удивиться, почему Миллер хочет остаться на занимаемой им должности. Ведь работать ему приходится больше, чем служащим компании, занимающим аналогичные посты, а платят за это меньше — 15 000 долларов в год, в то время как вице-президент Телефонной компании, ведающий вопросами рабочих взаимоотношений, получает не менее 35 000 долларов. Миллеру нравится не только идейная сторона работы: он ее от души любит. Его увлекает борьба за круглым столом, когда нужно сочетать непреклонную волю с гибким умом. И хотя, по сравнению с руководителями предприятий, Миллер ведет довольно скромный образ жизни, своим детям — у него их четверо — он сумел дать то, чего не получил сам. Рос он во время экономической депрессии 1930-х годов; окончив среднюю школу, сразу поступил на работу. Его девятнадцатилетняя дочь Джуди прошла после средней школы годовую подготовку и работает теперь зубным техником, занимаясь одновременно в колледже на вечерних курсах. Старшему, Джимми, 21 год; он кончает коммерческий факультет в Керри-колледже в Бостоне. А вдруг его сын займет высокий пост в какой-нибудь фирме и окажется по другую сторону стола во время переговоров? Как себя почувствует тогда отец? «Таково уже мое счастье!» — лукаво улыбаясь, отвечает Джордж Миллер.

СЕГОДНЯ

Давайте споем американскую народную песню! Для тех, кто недостаточно владеет английским языком, мы помещаем транскрипцию текста русскими буквами.

Слова и музыка Ранди Спаркса

Припев

To - day while the blos - soms still cling to the vine, I'll taste your straw -
Ту - дэй уайл зэ блос - сомс стилл клинг ту зэ вайн, ай'л тэйст йор стро -

ber - ries, I'll drink your sweet wine. A mil - lion to - mor - rows shall
бэр - рис, ай'л дринк йор суит уайн. Э миль - ен ту - мор - роус шалл

all pass a - way, Ere I for - get all the
олл пасс э - уэй, Эр ай фор - гэт олл зэ

joy that is mine. To - day.
джой зэт из майн. Ту - дэй.

Куплет:

I'll be a dan - dy and I'll be a rov - er, You'll
1. Ай'л би э дэн - ди энд ай'л би э ров - эр, Ю'л

know who I am by the song that I sing. I'll
ноу ху ай эм бай зэ сонг зэт ай синг. Ай'л

feast at your ta - ble, I'll sleep in your clo - ver, Who
фист эт йор тэй - бл, ай'л слип ин йор кло - вэр, Ху

cares what the mor - row shall bring. To -
кэрс уот зэ мор - ро шалл бринг. Ту -

ПРИПЕВ:

Сегодня, пока цветы еще держатся на лозах,
Я отведаю твою клубнику, я выпью твоего сладкого вина.
Миллионы завтрашних дней все уйдут прочь,
Прежде чем я забуду все радости, что сегодня мои.

КУПЛЕТЫ:

1. Я буду щеголем, я буду скитальцем,
Ты узнаешь меня по песне, что я пою.
Я буду пировать за твоим столом, я высплюсь в твоем клевере,
Кому какое дело, что принесет нам завтра.
(Припев)

2. Я не могу довольствоваться вчерашней славой,
Я не могу жить обещаниями от зимы до весны.
Сегодня — мой миг, сейчас — мой рассказ,
Я буду смеяться, и буду плакать, и буду петь.
(Припев)

2. *I can't be con-ten-ted with yes-ter-day's glo-ry*
Ай кан'т би кон-тэн-тэд уиз йес-тэр-дэй'с гло-ри

I can't live on prom-is-es win-ter to spring.
Ай кан'т лив он пром-ис-эс уин-тэр ту спринг.

To-day is my mo-ment and now is my sto-ry,
Ту-дэй из май мо-мэнт энд нау из май сто-ри,

I'll laugh, and I'll cry, and I'll sing.
Ай'л лаф, энд ай'л край, энд ай'л синг.

(Припев)

Элегантный осенний ансамбль, состоящий из жакета, юбки и блузки без рукавов.

ОСЕНЬ ДИКТУЕТ МОДУ

В этом году шерстяные наряды особенно привлекают высоких девушек. Свободные в талии, они подчеркивают стройность своих обладательниц и не теряют элегантности ни днем, ни вечером. В моду опять вошли длинные рукава, а среди материалов—грубошерстный твид.

Новинка: твидовое пальто-костюм; надевается через голову, в талии перехвачено поясом.

Шерстяной костюм; воротник — высокая стойка; жакет — удлиненный, с карманами внизу.

Платье-пальто из клетчатой ткани; внизу оканчивается бахромой; пуговицы в виде монет.

Пятьдесят штатов

Массачусетс

Массачусетс, родной штат покойного Президента Кеннеди и один из первых тринадцати штатов Союза, можно смело назвать колыбелью американской демократии. В 1620 году отцы-пилигримы на борту судна «Мэйфлауер» приняли большинством голосов соглашение об образовании «гражданского общества», соглашение, которое и легло в основу управления их колонией в Плимуте. Такой подход к решению общественных дел, построенный на принципе равноправия, существует по сей день в местных городских собраниях, где все вопросы после публичных открытых обсуждений решаются большинством голосов. Народное просвещение издавна вошло в традицию Массачусетса. В 1635 году в Бостоне была построена первая в Америке народная школа, которая существует там и сегодня. Год спустя в Кембридже открылся первый колледж — Гарвардский. Там же в 1639 году начала работать первая в Америке типография. По своей площади (21 500 кв. км) Массачусетс один из самых маленьких штатов, и все же там произошло много событий, предопределивших ход истории Америки: «бостонское чаепитие» — протест колонистов против английских налогов, «бостонская бойня» — открытое выступление колонистов против английских войск, битва при Бэнкер-Хилле, когда американские патриоты отважно отбили вылазку английского гарнизона. Массачусетс, по словам историка Бернарда де Вотто, «первый американский штат, достигший совершеннолетия, добившийся нормальных условий жизни . . . первый неугасаемый очаг цивилизации в Америке».

Каменистая почва Массачусетса плохо поддавалась обработке, и поэтому поселенцы занялись различными ремеслами, дальнейшее развитие которых привело к созданию доходных предприятий. Типичным примером того может служить усовершенствование швейной машины Элаясом Хоу в 1846 году. Это изобретение привело к быстрому развитию кожевенной промышленности, благодаря чему Массачусетс и сейчас является первым среди остальных штатов по производству обуви. С давних времен море было источником богатств Массачусетса: по улову рыбы он уступает только Луизиане. Из порта Нью-Бедфорд американцы отправлялись на опасный, но доходный китобойный промысел, который так блестяще описал Герман Мелвилл в романе «Моби Дик». Керосин вытеснил китовый жир, но торговые парусники Новой Англии оставались самыми быстроходными и продолжали бороздить моря и океаны; они даже ухитрились пережить появление пароходов.

В Массачусетсе родилось много известных американцев: Президент Кеннеди, Джон Адамс (второй Президент США), Джон Куинси Адамс (шестой Президент США), педагоги Горас Манн, Чарлз Элиот, писатели Готорн, Торо, Эмерсон, Брайант, Уитьер, Эдгар По, художники Уистлер, Коплей, Гомер.

Известный во всем мире Бостонский симфонический оркестр летом играет в Танглвуде, где ежегодно устраивается Беркширский музыкальный фестиваль. В Массачусетсе немало прекрасных музеев. Сам штат очень живописный, и виды его мыса Код изображает уже не одно поколение художников. В городе Провинстаун и в десятке других городов постановки летних театров привлекают многочисленных зрителей. Штат насчитывает свыше пяти миллионов жителей, из них много выходцев из Ирландии. В промышленных центрах немало французских канадцев, итальянцев, поляков и русских, а среди рыбаков часто встречаются португальцы.

В ГОСТЯХ У

Репортер купается в лучах славы других. Он следит за каждым шагом знаменитостей, старается быть свидетелем великих событий, мечтает смотреть истории прямо в глаза. Он гордится тем, что вместе с войсками союзников высаживался в Нормандии, что жал руку победителю на Олимпийских играх, что интервьюировал Эйнштейна. Интервью открывает ему кратчайший путь в магический круг славы. Но чем выше на пьедестале стоит объект его внимания, тем труднее ему отыскивать дороги еще нехоженые, области еще неизведанные.

Интервью с Артуром Рубинштейном — это как поиски золотого руна, закончив которые репортер может возвратиться с целым ворохом старых газетных вырезок:

Он родился 28 января 1886 года и шести лет впервые выступил на концертной эстраде. Он прославился сначала в Европе, потом в других частях света. Лишь Соединенные Штаты довольно долго его не признавали: его концертные гастроли в 1906 и 1917 годах вызвали как восторженные, так и резко отрицательные отзывы критиков. Только третье турне по Соединенным Штатам, состоявшееся незадолго до Второй мировой войны, принесло ему всеобщее и триумфальное признание. Началась война, он переехал в США и в 1946 году стал американским гражданином. Живет он в Нью-Йорке. Женат на Анеле Млынарской; у них четверо детей: Ева (родилась в Буэнос-Айресе), Поль (родился в Варшаве), Алина и Джон (оба родились в Буэнос-Айресе). Им восторгаются, его уважают, слава не кружит ему голову.

Он король своей профессии. Он мастер рояля и мастер музыки. Со времен Бузони не было ему подобных. (Виргилий Томсон, газета «Нью-Йорк геральд трибюн», 1949 г.)

Во всех энциклопедиях приводятся основные вехи его жизни. Все лучшие критики раньше или позже писали об его искусстве. Можно ли еще что-нибудь добавить к его хорошо известной биографии? Что-нибудь такое, что позволит ближе познакомиться с ним?

— Здравствуйте! Простите, что заставил вас ждать.

Этого интервью я ждал две недели, но не более двух минут прошло с тех пор, как я вошел в гостиную его квартиры на десятом этаже. Я едва успел осмотреться. Комната большая. Даже стоящий у окна концертный Стейнвей отнюдь не загромождает ее. На рояле — сонаты Бетховена, портрет хозяина, цветущая ветка догвуда, достигающая до самого потолка. На стенах много картин: большое полотно Вийара, Руо, Дюфи, Кислинг, Шагал, Коро. . .

Хозяин стоит передо мной, учтиво улыбаясь. Мне он хорошо известен — по концертам, по прессе, — хотя знакомство наше одностороннее. . . Поэтому ничего нового я не замечаю, все только подтверждает прежние наблюдения: курчавые седые волосы, крупный нос, проницательный, дружелюбный взгляд. Потом приходит черед удивляться: его возрасту (не может быть, чтобы этому человеку, с его стремительными, почти неистовыми движениями, было 78 лет!) и его росту (он выглядит выше, чем на эстраде).

По опыту других журналистов знаю, что беседа не войдет в колею, пока он не закурит сигару.

— Садитесь, пожалуйста! Надеюсь, моя сигара вас не беспокоит? С чего мы начнем?

— Я установил некоторое несовпадение в хронологических датах вашей биографии. Согласно «Биографиям современников» и «Малой польской энциклопедии» вы родились в 1886 году; по другим источникам — тремя годами позже. Какова точная дата вашего рождения?

— Вы действительно начинаете с самого начала. Моего свидетельства о рождении я никогда не видел. Из Польши я уехал маленьким мальчиком, по паспорту матери. Потом я разъезжал по всему свету вообще без паспорта: до Первой мировой войны только Россия, Румыния и Турция требовали удостоверений личности, границы других стран вы пересекали без всяких документов. Много позднее я получил от посла царского правительства в Париже князя Долгорукого дипломатический паспорт № 1, в котором годом моего рождения был указан 1889. Если кто-нибудь — кроме Господа Бога, отсчитывающего годы нашей жизни, — хоть немного интересуется этим вопросом, то, пожалуй, придется упомянуть о нем в моих мемуарах.

— Вы пишете мемуары?

— Да. И уже много лет. Мой старый друг, издатель Альфред Кнопф, уговорил меня заняться ими лет двадцать тому назад. Он даже выдал мне аванс в 250 долларов. К тому времени у меня было написано около ста страниц, но, описывая свое детство, я пришел к заключению, что был невозможным, невыносимым мальчишкой, и у меня просто не хватало мужества публично в том признаться. Поэтому я отказался от всей затеи и только несколько месяцев назад решил снова сесть за воспоминания.

— Вы диктуете историю вашей жизни или пользуетесь услугами какого-нибудь писателя, обрабатывающего сырой материал?

— Пишу сам. От руки, карандашом. Я уже исписал семь больших тетрадей.

— На каком языке?

— На английском. Я говорю на восьми языках, но ни одним из них не владею так, как мне бы хотелось. Так, чтобы чувствовать все его нюансы. Я слишком много путешествовал, кажется мне, я чересчур много странствовал и потому не в силах удовлетворить строгих ценителей художественной прозы.

— Когда вы работали над автобиографией, в вашей памяти, вероятно, всплывало многое из детских лет. Помните ли вы, например, дом, в котором ваши родители жили в Лодзи?

— Конечно. На Петроковской улице, рядом с пассажем Майера. Чтобы до него добраться, надо. . . Вы знаете Лодзь?

— Я несколько раз бывал там и останавливался в Гранд-отеле.

— Тогда нам незачем углубляться в детали. У отца было небольшое предприятие — нечто вроде текстильной фабрики. Около пятидесяти рабочих. Я и сейчас сразу нашел бы наш дом.

— И из этого дома вундеркинд уехал в Берлин, стал великим виртуозом и покорил мир?

— В общем, да. Но мне просто повезло. Мне всегда везло.

Он громко рассмеялся — то ли своим воспоминаниям, то ли просто хотел обратить все в шутку...

Он подлинный виртуоз. Внешняя манера его игры эффектна. Физическое наслаждение доставляют быстрота, мощь и точность его исполнения. Он мастер стилевых различий — от жесткого блеска Листа и вкрадчивых настроений Шопена до спокойных глубин Бетховена. Для всего находит он нужные краски и нужный стиль. В области настроения он умеет создавать нечто близкое магическим чарам Падеревского. (Журнал «Лайф», 1948 г.)

— Критики иногда разделяют артистов на виртуозов и на «мыслителей», на романтиков и на людей разума. Вас обычно причисляют к первой из этих категорий. Часто можно прочесть о «последнем виртуозе», наследнике Пахмана, Годовского, Таузига и Листа. Вы согласны с этим мнением?

— В искусстве нет места для общих мест. Я заклятый враг всякой штампованной классификации. Она ничего не объясняет, а ведет к пошлости и грубым упрощениям. Связывать определенный стиль с каким-либо историческим периодом, с хронологией, совершенно бессмысленно. Старик Лист, взятый под увеличительное стекло, окажется в гораздо большей степени модернистом, чем Рихтер, а этот юноша Ван Клайберн — бóльшим романтиком, чем я. В прежние времена тоже по-разному интерпретировали музыку. Ганс фон Бюлов засушивал все композиции своим педантизмом, в то время как другие с важным видом снимали перчатки и прибегали ко всем существующим эффектным трюкам. Артист должен обладать творческой индивидуальностью. Единственный род классификации, который я готов признать, это классификация дарований. Талант выражается по-разному, он принимает самые различные формы. Но музыкант имеет право считать себя артистом только в том случае, если он единственный в своем роде. Тем самым он избегает классификации.

Сверстники молодого Рубинштейна не придавали такого значения записанным на бумаге нотам, как это принято теперь. «Свобода ради выразительности» было лозунгом дня, и исполнители вдавались в дикие крайности. Но к Рубинштейну это не относится — во всяком случае, после его возвращения в Соединенные Штаты в 1937 году... Эмоции в его исполнении лишены сентиментальности, блеск — бессмысленной виртуозности, логика — педантизма, напряженность — нервного возбуждения. Его концепции захватывают, так как он знает, что хочет выразить. (Гарольд Шенберг, «Нью-Йорк таймс», 1961 г.)

— Позвольте задать нескромный вопрос: что вы чувствуете, когда находитесь на эстраде? Всем нам, вашим слушателям, хорошо известен этот момент. Вы быстро выходите, поклоном отвечаете на аплодисменты, раздвигаете фалды фрака и садитесь за рояль. Высоко закинув го-

Ян Эрдман

АРТУРА РУБИНШТЕЙНА

лову, вы долго молча выжидаете. Можете вы коротко описать, что происходит в это время в вашем сознании?

— Могу, но только не коротко. Мне кажется, что тут уместно будет небольшое отступление. Мы, исполнители, принадлежим к привилегированному сословию. Наша жизнь великолепна: аплодисменты, слава, деньги. Только немногие сознают, что всем этим мы обязаны тем, кто в первую очередь заслуживает благодарность и преклонение, то есть композиторам. Со слезами на глазах мои слушатели благодарят меня, уверяют, что я выразил их чувства, возвысил их души. Но они забывают, что музыка, которая так глубоко их взволновала, создана не мной, но Шопеном, больным туберкулезом, обремененным долгами; Бетховеном, умиравшим в нетопленной комнате; Шуманом, доведенным денежными заботами до сумасшедшего дома; Шубертом, зарабатывавшим уроками на скудное пропитание; Моцартом, похороненным в общей могиле для нищих. А мы — узурпаторы их достижений — мы пользуемся всеми благами жизни.

Исполнители эксплуатируют накопленные музыкальные сокровища, но не безнаказанно. Им приходится расплачиваться дорогой ценой: в среду вечером, ровно в 8.30, они должны отдать все, что у них есть. Таков неумолимый закон. Вся их жизнь нацелена на эти концерты, на эти вечера. Дни же между выступлениями — это лишь подготовка к следующему концерту.

В день концерта я ни о чем другом не думаю. Я мобилизую все свои силы, я работаю над пассажами — мысленно или за клавиатурой. Решимость быть в безупречной форме может творить чудеса, может даже излечивать физические недуги. Назойливая простуда исчезает без следа перед самым концертом. И вот, наконец, близится 8.30. Я приготовился к невероятному физическому усилию, к эмоциональной разрядке огромной силы. Я предельно собран. Когда я выхожу на эстраду, я ничего не знаю, ничего не помню, кроме первого произведения в программе. Повседневная жизнь осталась за дверьми концертного зала. Я напряжен, я натянут, как тетива лука, я тверд, как сталь. И вот, чтобы достичь этого, чтобы до предела собраться с силами, мне и нужно еще раз сосредоточиться.

Меня часто спрашивают: какой из ваших концертов вы считаете самым лучшим? Не знаю, не помню, не могу ответить на этот вопрос. Я уверен, что было много лучших и много плохих. Но когда я играю, все затуманивается, все исчезает, ничего не остается, кроме музыки, которую я играю. И она поглощает меня совершенно.

Может быть, у Владимира Горовица более ослепительная техника, Рудольф Серкин более совершенно интерпретирует немецкую музыку, Розалинде Турек более близок Бах, Святославу Рихтеру — Прокофьев и Скрябин, у Клаудио Аррау более обширный репертуар. Но ни один пианист не умеет так слить все в единое целое, как Рубинштейн. («Нью-Йорк таймс», 1964 г.)

— Значит ли это, что вы не реагируете на присутствие слушателей?

— Я не вижу их, но я их чувствую. Чуткая публика вас окрыляет. Иногда я выбираю когонибудь в зрительном зале и решаю: буду играть для него. Это устанавливает более тесный контакт с аудиторией. Однажды после концерта в Палермо ко мне подошла седовласая дама и схватила меня за руку: «Вы играли для меня, — сказала она. — Благодарю вас!»

Помню я и другое. Перед Первой мировой войной я выступал в Манчестере на собрании в клубе. То был концерт для весьма замкнутого круга «джентльменов». Я играл сонату, когда вдруг почувствовал, что меня что-то душит. Что-то мешало мне играть. Мне казалось, что из одной из лож на меня изливается поток недружелюбия, даже враждебности. В антракте я спросил директора, кто сидит в этой ложе. «Весьма уважаемый член нашего клуба, известный адвокат, — сказал он. — Он привел с собой сына. Между прочим, молодой человек — хороший пианист, и я подозреваю, что он был бы не прочь выступить здесь сегодня». Как я это почувствовал — не знаю, — может быть, шестым чувством.

— Давайте вернемся в Соединенные Штаты. Каково ваше мнение о развитии музыкальной жизни в Америке?

— За семьдесят пять лет Америка прошла путь, на который Европе понадобилось два с половиной столетия. Кончились времена пионеров. В Соединенных Штатах началась эпоха зрелости и высокого мастерства. Музыка льется мощным потоком, ее серьезно изучают. Нигде в Западной Европе я не наблюдал такого увлечения музыкой; пожалуй, только в Японии можно найти нечто подобное.

Возьмем, например, моего сына. Джон — в этом году он окончил среднюю школу — захотел услышать «Фальстафа» в оперном театре «Метрополитэн». Не говоря никому ни слова, он скопил деньги и простоял восемь часов в очереди за билетом на стоячее место. Когда, вернувшись из турне, я узнал об этом, я так растрогался, что заказал ложу, и мы все вместе пошли слушать эту оперу. Нужно действительно любить музыку, чтобы мерзнуть восемь часов в очереди.

В Европе, — кроме, разве, Англии и Италии, — музыкальная жизнь ограничивается столичными городами. В Соединенных Штатах у нас есть оркестры во всех крупных городах, и некоторые из них действительно превосходны. Это доказывает, что американцы чувствуют сильное влечение к музыке и готовы идти на жертвы, ибо и опера и оркестры нигде не приносят прибыли.

— Считаете ли вы, что граммофонные пластинки повысили интерес к музыке? Мне говорили, что по сегодняшний день разошлось уже около трех миллионов ваших пластинок?

— Пожалуй, даже больше. И все время поступают новые. Сейчас я наигрываю на пластинки Моцарта.

— Я слышал, однако, что вы не любите музыки в граммофонной записи...

— Это неправда. У меня в студии стоит стереофонический проигрыватель, и я люблю слушать пластинки моих коллег. В наши дни техника граммофонной записи достигла совершенства и невероятной точности звукопередачи. Чего я не люблю — это моих собственных пластинок, в особенности старых. В грамзаписи исполнение не становится совершеннее, оно лишь повторяется, тогда как я сам иду вперед и сейчас играю, по-моему, лучше прежнего.

Маленькая Ева (теперь уже не маленькая, а замужняя актриса) однажды взобралась на колени к отцу и, ласкаясь, попросила: «Папа, сыграй что-нибудь». Рубинштейн только что вернулся после триумфальных гастролей, он был очень утомлен, но не мог отказать дочери. Он встал с кресла и направился к роялю. «Да нет, папочка! Сыграй мне что-нибудь на граммофоне!» («Нью-Йорк таймс», 1964 г.)

В дверях появляется миссис Рубинштейн — вежливый намек, что интервью пора кончать. Я поднимаюсь, не вполне удовлетворенный: я познакомился с музыкантом, но мне бы хотелось поговорить с ним как с человеком.

• В 1938 году, когда в Италии были обнародованы расистские декреты, Артур Рубинштейн возвратил Муссолини все свои итальянские ордена и медали. Сопроводительная телеграмма была подписана: «Еврейский пианист».

• Когда в 1945 году в Сан-Франциско состоялась учредительная конференция Организации Объединенных Наций, Артур Рубинштейн был единственным артистом, выступившим на торжественном концерте. Эстрада, на которой он играл, была убрана флагами всех наций, объединившихся для создания новой международной организации. Был там и бело-красный флаг его старой родины, хотя по причинам политического порядка польских делегатов на конференции не было. Рубинштейн сыграл государственный гимн Соединенных Штатов и затем объявил: «А сейчас я исполню гимн нации, хотя и не представленной здесь сегодня, но первой из всех выступившей с оружием в руках против зла», — и полились звуки гимна «Еще Польска не згинела...»

• В текущем году, году огромных социальных перемен в Соединенных Штатах, Рубинштейна спросили об его взглядах на интеграцию.

«Есть люди, — ответил пианист, — которые считают, что музыка — единственное дело артиста и что политика его не касается. Я с ними не согласен. Артист — прежде всего человек, и у него такие же обязанности по отношению к обществу, как и у всех других. Я горячий сторонник полной интеграции. Я не буду выступать в зале, где практикуется расовая дискриминация».

— Чувствую, что злоупотребляю вашим терпением. Я уже слишком вас задержал, но мне очень хотелось бы узнать о вас побольше не только как об артисте, но и как о человеке.

— Вероятно, мне пришлось бы опровергнуть великое множество ходячих легенд обо мне. Например, миф, что я первые сорок лет моей жизни был не чем иным, как прожигателем жизни, безответственным весельчаком, кутилой, мотом, и что только после женитьбы остепенился и взялся за серьезную работу. Все это преувеличено...

— Но есть и доля правды... — улыбнулась миссис Рубинштейн.

— Я не отрицаю, что женитьба стала для меня сильнейшим эмоциональным стимулом. Но легенда эта бросает яркий свет на то, в чем я сам охотно признаюсь: я люблю жизнь. Я люблю жизнь безоговорочно, безусловно, не взирая на то, как она ко мне относится. Я люблю ее переменчивость, ее контрасты, ее многообразие. Я люблю дождь и люблю солнце; я люблю черное и люблю белое; я люблю умных и люблю дураков, даже зубную боль я люблю — я люблю жизнь во всех ее проявлениях, во всем ее великолепном и бесконечном разнообразии. Эта моя любовь ко всему человеческому часто ложно понималась и истолковывалась как пристрастие к излишествам. Я надеюсь, что мне удастся рассеять это недоразумение в мемуарах.

Прощаясь с Артуром Рубинштейном («До следующего интервью!»), я вдруг подумал: а ведь он, возможно, открыл мне великую тайну: может быть, вот эта самая любовь к жизни и накладывает на все его исполнительское искусство печать необычайной глубины чувства, создавая ему совершенно исключительное положение среди виртуозов нашего времени.

Фото Эрнста Хааса • *С разрешения журнала Лайф*

Картины незабываемого детства

Детство Джемса Аджи было, возможно, не богаче впечатлениями, чем детские годы большинства из нас, но в памяти мальчика, ставшего талантливым писателем, они сохранились с исключительной четкостью.

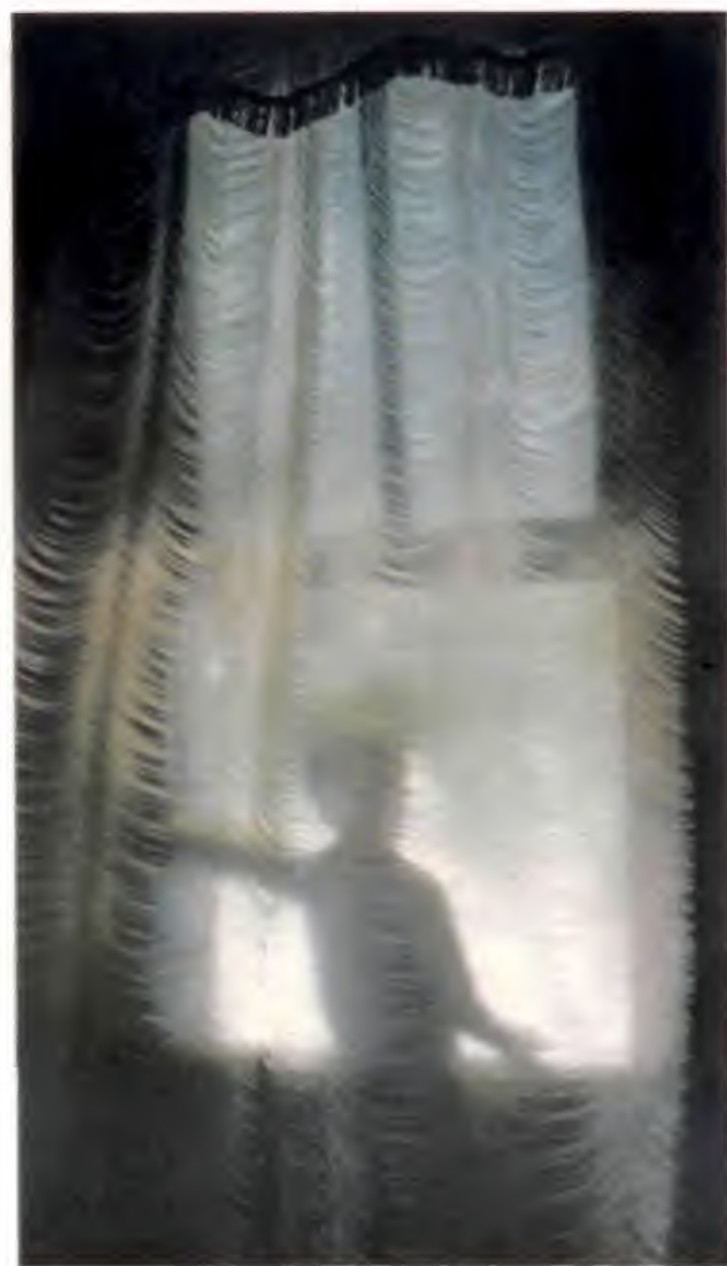
За годы творческой работы Аджи (фото внизу) снискал себе славу книгой стихов, повестью «Утренняя вахта», рядом рассказов, критикой кинофильмов, киносценариями и правдивым поэтическим описанием жизни бедных фермеров-южан в новелле «Поговорим теперь о знаменитостях». Вот все, что мы знали о творчестве Аджи при его жизни: это были небольшие жемчужины, прекрасные, теплые, сулящие многое.

Аджи умер в 1955 году в возрасте сорока пяти лет. Двумя годами позже появился его единственный большой роман «Смерть в семье», посвященный детским годам автора, проведенным в Ноксвилле (Теннесси), и трагическому событию, в корне изменившему его жизнь. Описывая себя в образе героя романа Руфуса Фоллета, автор воскрешает со всей остротой и нежностью переживания детства. Руфус окружен любовью. Родители развивают в нем душевную силу, учат задумываться над окружающим, позволяют ему самому находить выход чистой, детской энергии. Вокруг него живет своей жизнью город, живет не торопясь, словно время обошло его стороной.

Но время таит угрозу Ноксвиллу и Руфусу. Добрые духи, которые играют в оконных занавесках его спальни, вокруг порхающей бабочки, во всех удивительных вещах, лежащих на пути мальчика, могут в любой момент стать духами злыми, как в ту ночь, когда тени листьев метались по стене спальни в таинственно-жутком танце. Но отец, как всегда, успокоил мальчика. Однако катастрофа, в которой погиб отец, вскоре пошатнула незыблемость жизни мальчика, наполнила его грудь вопросами, остающимися без ответа.

Простые радости детства и острая боль утраты — все это было для Руфуса тайнами жизни, тайнами, которые окружали в том же Ноксвилле Джемса Аджи полвека тому назад.

Многие яркие эпизоды романа посвящены тому, как Руфус, остающийся наедине с собой, воспринимает магическую прелесть повседневных мелочей. «Проснувшийся в темноте мальчик увидел окно, — пишет Аджи. — Занавески волнами скатывались почти до пола. Прозрачные и складчатые, с фестонами по краям, они напоминали раковину морского страшилища. Их нежно колыхал ветерок, заглядывавший в открытое окно. Там, где на них играл свет уличного фонаря, они были белые как сахар. Пышная узорчатая листва, вытканная на них машиной, то вспыхивала ярко-белым, то темнела, прячась от света в складках... За окном, зажженные фонарем, горели до боли зеленым пламе-



нем другие листья. Он вслушивался в летнюю ночь. В воздухе отзвуками колокольного звона затихала песня сонных цикад. Где-то, в поединке буферов, натужно дышал маневровый паровоз. Громко ругаясь выхлопной трубой, прокатил и скрылся за горизонтом слуха автомобиль. По пустынной улице лениво прополз глухой перестук копыт, в мучительном ритме отбивающих свои усталые «тук-тук-тук». И после этого в ушах еще долго громыхало бесконечной спиралью обитое железом колесо. Дробно постукивая острием каблуков и шаркая кожей подметок, на тротуарах возникали молодые пары и растворялись в ночной темноте. На чьем-то крыльце, как больное легкое, стонала качалка; монотонно скрипели цепи качелей».

ВИДЕНИЯ ЛЕТНЕЙ НОЧИ

ВРАТА НЕВЕДОМОГО МИРА

В романе Аджи снова совершает с родителями и друзьями путешествие в Большие Дымчатые горы. Картины, запахи и звуки этого первого большого события в жизни мальчика оставили неизгладимый след в его памяти. Аджи вместе с Руфусом заново переживает все путешествие, начиная с поездки на вокзал. «На следующее утро все встали до рассвета, чтобы поспеть на вокзал железной дороги „Луивилл-Нашвилл". Трамвай до вокзала не шел, и их кто-то отвез на машине. Вещей было так много, что даже ему пришлось нести коробку. Они сидели в огромном помещении, набитом людьми. Его мать сказала дяде Теду, что этот вокзал ей нравится

Старый, закоптелый вокзал в Ноксвилле, его причудливо украшенные помещения, многократно повторяемый эхом свирепый железный скрежет колес — всё повергало юного Аджи в благоговейный ужас. Это были двери в огромный неведомый мир. Фотограф Эрнест Хаас отразил на снимках вихрь колес и тусклый блеск зала ожидания такими, какими они, должно быть, представлялись мальчику. Призрачные, демонические, эти детали жили в памяти Аджи яркими видениями далекого прошлого.

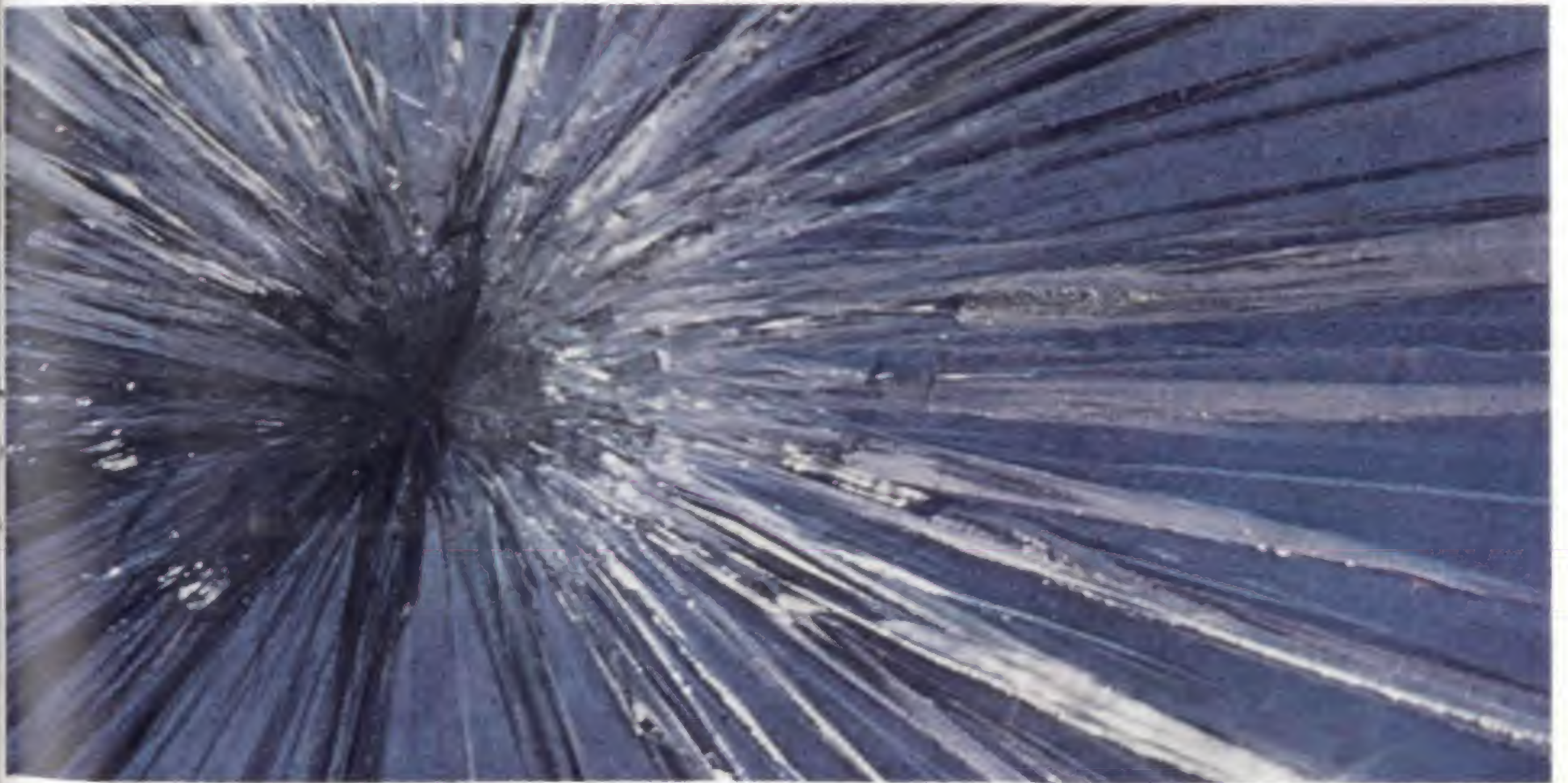
больше Южного, потому что мать всегда любила деревенских людей. Отец с ней согласился. В воздухе пахло жевательным табаком, мочой и хлебом. Некоторые женщины были в чепцах, целая куча мужчин — в высоких соломенных шляпах. Молодая мать кормила грудью ребенка. Поезд уходил ещё не скоро. „На Мэри можно положиться: с ней поезда не прозевать, — сказал отец. — Наоборот, скорее уедешь за день до назначенного срока". „Джей, перестань..." — сказала мать. Тут он услышал, как кто-то стал громко объявлять отход поезда и затем принялся перечислять названия станций. „Это наш", — сказал отец, и все начали собирать вещи... Поезд отошел, когда было уже совсем светло».

Роман Аджи достигает кульминационной точки, когда погибает Джей Фоллет, отец Руфуса. Возвращаясь ночью домой из поездки, оказавшейся, как выяснилось, совсем ненужной, Джей отчаянно гонит автомобиль. Внезапно выпадает чека, и машина, не слушаясь руля, срывается с дороги.

С рассветом, возвращаясь домой от родителей, Джей Фоллет перебрался через реку на допотопном пароме. «Плоский паром гладил реку, как рука грудь. Тихо бурчала вода... Серело темно-фиолетовое небо».

ГИБЕЛЬ ПО ДОРОГЕ ДОМОЙ

«Он сказал, что часов в девять он возвращался домой в город, когда услышал позади автомобиль. Ближе, ближе, тот мчался с дикой скоростью, и он подумал, что кому-то нужно было поспеть куда-то во что бы то ни стало... Вдруг, продолжал он, сзади раздался невероятный грохот; секунда–другая, и наступила мертвая тишина. Он знал, что грохот исходил из машины, ехавшей за ним, и что с тем, кто в ней был, случилось что-то ужасное. Он повернул машину и проехал с четверть мили назад, пересек мост Беллс-бридж. Он рассказал мне, что чуть не проглядел то место, где это случилось, так как на дороге ничего не было, хотя ехал он медленно и смотрел по обе стороны дороги. И все же, он чуть не проехал мимо, потому что как раз по другую сторону моста обочина дороги круто скатывалась вниз... В свете фар что-то мелькнуло — это было колесо автомобиля... Оно еще вертелось... Машина лежала вверх колесами, и Джей лежал рядом с ней на земле... Его одежда даже не была помята... Как только он увидел Джея, что-то подсказало ему, что тот мертв. Что подсказало, он не знал, только вдруг настала какая-то особенная тишина».



Врачи вернули подростку руку — и имя его вошло в историю медицины

НОВАЯ ЖИЗНЬ ЭВЕРЕТТА НОУЛСА

ДЖЕЙН ХАУАРД • С разрешения журнала *Лайф*

Самая знаменитая в мире рука неловко свешивается с правого плеча четырнадцатилетнего рыжеволосого паренька, живущего в Массачусетсе, в городе Сомервилл. Зовут его Эверетт Вудро Ноулс; отец его работает в мясокомбинате. Подросток этот прославился на весь свет: 23 мая 1962 года он хотел прыгнуть на проходящий поезд, и ему оторвало правую руку, которую затем пришили врачи. Такой увенчавшейся успехом операции медицина еще не знала.

С тех пор прошло почти три года. Эверетт еще три раза подвергался операциям, сотни часов ушли на сложную восстановительную терапию. Рука его крепнет и с каждым днем действует все лучше и лучше, хотя, к сожалению, совершенно нормально она, вероятно, функционировать никогда не будет.

Поправка мальчика сама по себе изумительна, но все знакомые Эверетта, да и сам он, еще более поражаются и радуются глубоким переменам, происшедшим в его психике после несчастного случая.

Сомервилл, где с самого рождения живет Эверетт, — один из пригородов Бостона, в котором преобладают довольно унылые деревянные дома и увешанные бельем дворики. Мальчик с детства неплохо играл в бейсбол, участвовал в местной команде и смутно мечтал о карьере бейсболиста. Но больше никаких планов на будущее он не строил и о своем образовании не заботился. По всей вероятности, он бросил бы среднюю школу, не окончив ее, и пошел бы работать на производстве.

День, навсегда изменивший жизнь Эверетта, поначалу ничем не отличался от предыдущих. Мальчик отсидел положенное число часов в школе. После уроков он поспешил к железной дороге, надеясь вскочить на товарный поезд и зайцем доехать до бейсбольного стадиона в Бостоне. Подошел состав. Эверетт схватился за поручни — но тут его отбросило в сторону, и он очутился на каменной дамбе. Там он пролежал некоторое время почти без сознания. Его правая рука еще оставалась в рукаве куртки, но с телом не была соединена. Кровь хлестала из раны. «На мне была синяя рубашка, — вспоминает Эверетт, — а тут я отчетливо увидел, что она стала красной».

Собравшись с силами, подросток поднялся на ноги и, как это ни невероятно, побрел домой. Испуганные прохожие подобрали его и доставили в Массачусетскую главную больницу в Бостоне. Там срочно собрался консилиум из двенадцати первоклассных специалистов — терапевтов, педиатров, хирургов, ортопедов, нейрохирургов. На обсуждение был поставлен вопрос: можно ли пришивать начисто оторванную руку?

«Я не беспокоился за исход самой операции, — вспоминает д-р Рональд А. Молт, проведший эту замечательную операцию и затем руководивший послеоперационным уходом за Эвереттом. — Я боялся, что мы что-нибудь проглядим, не заметим каких-нибудь других серьезных повреждений, боялся, что из-за неполного восстановления кровообращения начнется гангрена или какой-нибудь воспалительный процесс. Опасался я и другого: мы вернем пациенту руку, а она окажется бездействующей, и это отрицательно повлияет на психику подростка».

Эверетта начали подготовлять к операции, а тем временем несколько врачей обмотали оторванную руку стерильным материалом и уложили ее между пластмассовыми мешками с мелким льдом. Затем руку отправили на другой этаж, там ее промыли и сделали с нее рентгеновский снимок. После этого она вернулась в операционную.

Началась операция. Хирурги соединили беспорядочную массу порванных кровеносных сосудов, затем кости и наконец мышечные ткани и кожу (*нервы были соединены только при последующей операции*). Сперва кисть правой руки была безжизненно-серой, но по мере восстановления кровообращения начала розоветь. Операция закончилась к полуночи, и д-р Молт позвонил по телефону родителям пострадавшего. «Медицина сделала, что могла, — сказал он, — и остается только ждать и молиться». Последний совет оказался излишним. «Об Эверетте и так все молились, — рассказывает мать бедного мальчика. — Когда мы пришли в нашу церковь, она была переполнена, и нам пришлось идти в соседний храм».

ПИСЬМА И ПОДАРКИ ОТОВСЮДУ

На следующий день родители отправились в больницу навестить сына. «Почему-то мне казалось, что я увижу только его глаза, — вспоминает миссис Ноулс, — что он будет весь забинтован. Но Эверетт лежал и улыбался. Только его правая рука была в гипсе. Он боялся, что мы начнем его бранить: ведь, прыгая на поезд, он порвал свою лучшую куртку. Я успокоила его, как могла, пообещала купить новую, да и не одну, а хоть целых две. Потом сын пожаловался, что не видел сегодня своей любимой телепрограммы, и спросил отца, сможет ли он опять играть в бейсбол».

Конечно, отец не мог ответить утвердительно. Но мальчик горевал недолго: он стал знаменитостью. Его засыпали письмами и подарками. Космонавт Скотт Карпентер прислал ему свою цветную фотографию с надписью: «Привет бравому малому». Джо Кронин, глава Американской лиги бейсболистов, прислал ему мяч с автографом. Получил Эверетт и мяч с подписями всех членов бостонской команды бейсболистов «Рэд сокс». Фабриканты спортивного оборудования задарили его бейсбольным снаряжением. Две юношеские команды преподнесли бронзовые дощечки с выгравированными приветствиями. Его сверстницы в Нью-Джерси организовали «Клуб друзей Эверетта Ноулса». Коммивояжер из Сан-Франциско, разъезжающий по всей стране, посылал ему из каждого города открытки.

Само собой разумеется, немалая известность выпала на долю врачей и больничного персонала, принимавшего участие в операции. И понятно, почему: в прошлом хирургам неоднократно удавалось пришивать *почти* оторванные конечности, но Эверетт был первым, кому успешно пришивали *полностью* оторванную руку.

«Мы просто воспользовались уже известными хирургии методами, — скромно рассказывает д-р Молт. — До сих пор никому не представлялось случая применить их все одновременно. Фактически соответствующая техника была разработана уже в 1944 году, а аналогичные операции с конечностями собак производились уже в 1908 году. Уди-

вительным было другое: то, как двенадцать врачей, располагающих богатым багажом знаний в самых различных областях (пожалуй, трудно было бы подобрать более знающий коллектив), дружно работали вместе, как они мне во всем помогали, давали советы и указания. И никто из них ни на что не претендовал, все довольствовались тем, что вносят свою лепту в сокровищницу науки».

Сам Эверетт и не думает гордиться ролью, сыгранной им в истории медицины. «Да ну ее — всю эту медицину, — говорит он. — Если я помог врачам узнать кое-что новое — то и слава Богу, я очень рад».

Его правая рука немного короче и тоньше левой, и движения ее ограничены. У плеча — большой кусок розовой, в пятнах, кожи: ее пересадили с бедра во время первой из трех операций.

«Из четырех главных нервов один, а может быть и два не возвратятся к жизни, — говорит д-р Молт. — Но два самых важных работают отлично. От них зависят движения пальцев. Эверетт уже может двигать пальцами и чувствует, когда ладонь потеет. С каждой неделей он все крепче и крепче сжимает руку. Вскоре он, вероятно, сможет держать карандаш и писать, хотя и не совсем как здоровый. Если наблюдаемые улучшения приостановятся, нам придется вновь прибегнуть к хирургическому вмешательству».

ТАКОЙ ЖЕ, КАК ВСЕ

Пока большой палец Эверетта действует еще плохо, и мальчик должен брать различные предметы четырьмя пальцами. Со временем, возможно, большой палец начнет двигаться нормально. Если же нет — надо будет пересадить сухожилие. Впоследствии хирурги собираются пересадить и другое сухожилие с ладони на тыльную сторону кисти: тогда он сможет распрямлять пальцы. «Пожалуй, мы потом заменим стальной стержень в его плече отрезком кости, взятым из бедра, — говорит д-р Молт. — Но все наши старания сведутся на нет, если наш пациент не сможет отличать мягкое от твердого или ощущать боль».

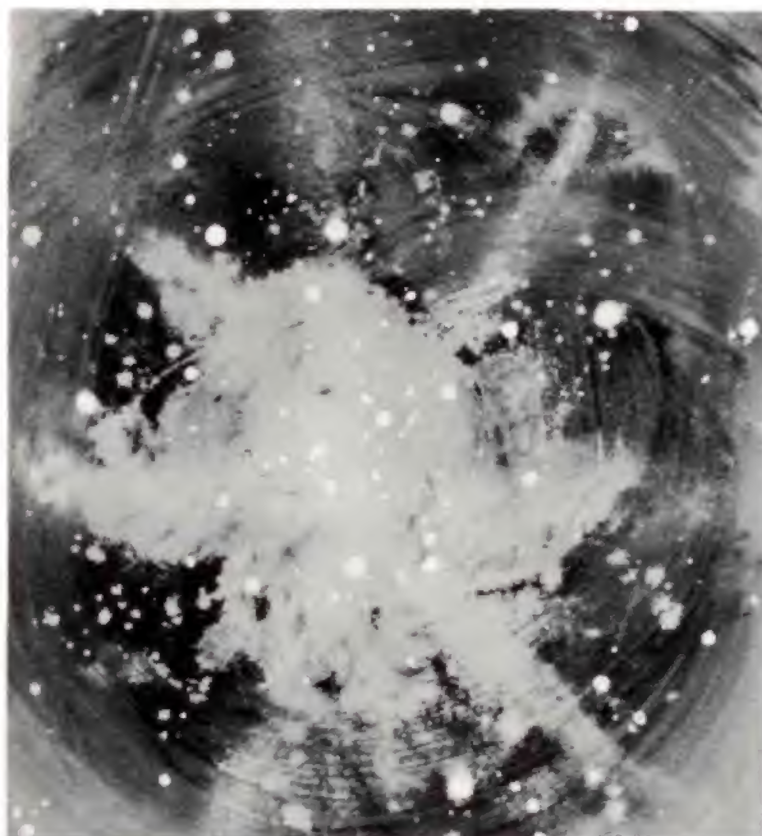
Однако, самые значительные перемены психологические, а не физические. Они являются результатом того, что в больнице называют «анализом общего положения». «Нас интересует не только выздоровление наших больных, но и их позднейшая жизнь, — говорит педиатр Джон Коннелли, на попечении которого находится Эверетт. — Для Эверетта нужно было прежде всего создать такие условия, чтобы повысился его интерес к учению».

Важным шагом к этому был перевод мальчика, по рекомендации врачей, из переполненной школы, в которой он до того учился, в одну из частных католических школ, где преподавание было лучше поставлено. Когда, спустя полгода после несчастного случая, Эверетт мог *возобновить учебу, он стал заниматься с гораздо большей охотой*, наверстал потерянное время и перешел в следующий класс. Между прочим, он неожиданно проявил особые способности к французскому языку. «Я могу сказать "comment allez vous aujourd'hui?" и "quel âge avez vous?" и прочее, — говорит Эверетт. — Хорошо бы поехать во Францию. Интересно, поймут меня там или нет?»

Все, знавшие Эверетта раньше, удивлены происшедшей в нем переменой. «Он совсем иначе относится к жизни, — говорит один из больничных терапевтов. — Он становится серьезнее и взрослее. В нем зажглась искорка, которой раньше не замечалось, — еще далеко не настоящее пламя, но все-таки огонек, и его стоит разжечь».

Вопрос, рано или поздно возникающий перед всеми подростками: «Кем мне быть, когда вырасту?» — особенно часто тревожит Эверетта. «Меня интересует чуть ли не три десятка различных профессий, — говорит он. — То я хочу заняться электроникой, то работать в госпитале, то стать спортивным радиокомментатором. Надеюсь, меня признают годным к военной службе, потому что мне хотелось бы стать летчиком, может быть летчиком-испытателем. У меня должна быть одна цель: получить возможно лучшее образование, потому что вряд ли я смогу стать профессиональным бейсболистом. Понимаете, так странно знать всякую всячину о своей руке — что такое артерии, где там сухожилия и все такое».

Три раза в неделю Эверетт занимается специальными упражнениями, стараясь приучить правую руку ко все новым и новым движениям. Вместе с отцом, он опять начал посещать местный бейсбольный стадион. Его рука все еще на перевязи, и правый рукав болтается пустым. Когда отец иногда замечает: «А ведь хорошо играют ребята! Выйдут, пожалуй, на большую дорогу», — Эверетт и виду не подает, как ему хочется самому носиться по полю. Но на днях он признался: «Я охотно бы променял всю эту известность на нормальную руку. Ну, да что поделаешь? Я много потерял, но и многому научился».



БЕСПОМОЩНЫЙ

Анна Стаффин

Сколько времени он уже здесь? Час, день, месяц? Ответа не было. Да и самого понятия времени не существовало. Но инстинкт подсказывал, что небытие продолжалось долго. Медленно спадала пелена бесчувствия, по телу пробежал ток ощущений. Затеплилось сознание.

Глаза с усилием приоткрылись и, мигая, стали напряженно вглядываться. Однако, кроме уже знакомой тьмы, увидеть ничего не удалось.

Он призвал на помощь обоняние. Нос почувствовал что-то теплое, отдаленно знакомое... Память напрягалась, но запах ни с чем не ассоциировался.

Медленно разжимались кулаки, расправлялись пальцы. Попробовал развести руки — и они почти сразу уперлись во что-то.

Обессиленный, он замер. Здесь, в заточении, ему не хватало сил. Свежим, собранным усилием поджал колени к груди, выбросил ноги вперед. Почти беззвучно они ударились в другую преграду.

Выхода не было!

«Где, почему?» — допытывалось сознание.

Он продолжал лежать. Вдруг он ощутил еле заметное движение. Ухо жадно впилось в стенку. Толчок, за ним нарастающий шум. Его переваливало с боку на бок, бросило вперед. Голова кружилась, хотелось выключить назойливое крещендо звуков. Опять бросок из стороны в сторону — его безжалостно опрокинуло вверх ногами. Беспомощный, он боролся изо всех сил, пытаясь восстановить равновесие.

Внезапно его обдала волна прохлады. Вокруг ног крепкой хваткой обвилась чья-то рука... Узник широко раскрыл глаза.

— Мальчик, — сказал человек в белом халате.

ФОТО МАЙРОНА ДЭВИСА

«ГДЕ СОЗДАЕТСЯ БОГАТСТВО НАРОДОВ»

Сто лет тому назад, в 1862 году, в городе Эймсе было основано первое из «наделенных землей» учебных заведений — университет штата Айова. Он распахнул свои двери для тех, «кто ищет специализации в области, где создается богатство народов». Область эта — сельское хозяйство, от которого сегодня, не меньше, чем столетие назад, зависит благосостояние народов. Из 11 000 студентов Айовского университета в его агрономическом колледже учится 10 процентов, — больше чем в любом другом сельскохозяйственном учебном заведении США. Под руководством преподавателей, пользующихся известностью не только внутри страны, но и за ее пределами, в стенах колледжа, а также на его опытных станциях и фермах (под них отведено 1033 гектара земли), ведется широкая исследовательская работа и создаются кадры специалистов, в которых остро нуждается стремительно развивающееся сельское хозяйство. При подготовке кадров главный упор делается на специализацию в связанных с сельским хозяйством отраслях точных наук, экономики и педагогики. Агрономический колледж также является своего рода консультативным и информационным центром по вопросам агротехники.

В перерывах между лекциями тенистые аллеи университетского городка, раскинувшегося на площади в 394 гектара, полны студентов.

Лекция по зоотехнии проводится на скотном дворе колледжа. Будущие специалисты сельского хозяйства изучают также гуманитарные и общественные науки.

Вычислительные устройства помогают студентам обрабатывать материалы по изучению изменчивости у сельскохозяйственных животных.

Роспись художника Гранта Вуда на стене библиотеки напоминает студентам о «технике», которой были оснащены их предки-земледельцы.

Изучая обмен веществ у растений, профессор и студент с помощью счетчика Гейгера прослеживают путь, проходимый в сок радиоактивным изотопом.

В перерыве между лекциями студент последнего курса Дж. Пеллетт делится с профессором своими наблюдениями над рынком скота в соседнем городе.

Студенты должны знать не только «как», но и «почему»

◂ Из окончивших агрономический колледж университета штата Айова не более 15 процентов становится фермерами, поскольку колледж готовит главным образом кадры высшей квалификации: инженеров-механизаторов, научно-исследовательских работников, товароведов и преподавателей *агрономических дисциплин*. От этих специальностей зависит дальнейший рост производительности сельского хозяйства и его будущее. Выросшие в фермерской среде, получившие практические навыки на полях и тракторах задолго до того, как стать студентами, будущие специалисты приобретают в колледже широкие теоретические знания, на которые опирается практика сельского хозяйства. Окончивших ждет большой выбор хорошо оплачиваемых должностей, о чем свидетельствует средний годовой оклад выпускников прошлого года: 5750 долларов.

Будущих инженеров-механизаторов обучают, как определять эффективную мощность тракторных и стационарных двигателей с помощью портативного контрольного прибора.

Студенты-практиканты учатся метить уши у недавно родившихся поросят. Мечение животных обеспечивает индивидуальный учет поголовья и способствует лучшей организации племенной работы.

Под руководством опытного преподавателя группа выпускников знакомится с методами исследования, разработанными д-ром У. Бэрроузом, изобретателем искусственного рубца (преджелудка коровы).

Совмещая теорию с практикой, группа будущих зоотехников приехала на скотоводческую ферму, чтобы провести оценку племенного молодняка. Работой руководит студент-аспирант.

Студенты, изучающие методы оценки сельскохозяйственного имущества, определяют стоимость недавно проданной фермы. Результаты сравниваются с фактически уплаченной ценой.

ХАЛ БОРЛАНД

Вера и зимнее солнцестояние

С разрешения журнала *Прогрессив*

Хал Борланд много писал о природе, о животных и растениях, о мире, в котором они живут и умирают. Этот мир автор знает как нельзя лучше. Выросший в семье пионеров, которые пересекли непроторенные прерии, чтобы обосноваться на свободных девственных землях, Борланд с детства был близок к природе, с детства узнал и леденящие вьюги, и жгучее дыхание засух. Он полюбил землю, полюбил вольные ветры, дождь и снег, зной и мороз, и теперь, на шестьдесят пятом году жизни, любит их так же горячо, как любил более полувека назад. Об этой любви к природе он рассказывает читателям в своих многочисленных книгах и в очерках, помещаемых в газете «Нью-Йорк таймс».

Для лиц, изучающих английский язык, мы помещаем в оригинале отрывок, в котором автор делится своими мыслями о зимнем солнцестоянии. Для него оно означает пору, когда заново раскрываются старые истины, ведущие, — пишет Борланд, — глубоко в душу человека и определяющие его взаимоотношения с землей, на которой он живет, и со всей Вселенной. Там должна быть заложена твердая уверенность, придающая смысл жизни, точно так же, как там таятся холодные и мрачные сомнения. И каждый год, когда наступает зимний перелом, он напоминает мне о том, что вера и верования отнюдь не наивны и не тщетны».

Отзывы и пожелания читателей, касающиеся печатаемых в оригинале отрывков, будут приняты с благодарностью. Адрес редакции указан под оглавлением номера.

Almost every year there comes a raw, dark December day with a spit of snow in the air when I go out and feel the frozen ground underfoot and look north with a sense of secret apprehension. Is this, I wonder, not even daring to say the words aloud, is this going to be the year? Has this particular weather cycle run its course, and are we entering a new Ice Age? It is a fantastic thought, primitive, and decidedly unscientific. All evidence indicates that such changes, while by no means rare in the long geologic history of this earth, come slowly, not overnight.

I hold no particular brief for the threat of a new Ice Age, but if one wants to worry, here is a fine, big, cosmic topic that can make the little day-to-day worries seem insignificant. This year we had the long summer drouth and the unusual warmth of the autumn, both out of line with what the statisticians term the norm.

I thought about these factors, the day I looked north for a glacier. But before I could resolve matters, even in my own mind, the snow stopped, the sky cleared, and I dismissed the whole thing. The temperature remained at a raw 28 degrees but the river in front of my house had only a fringe of ice along its banks. I can't take the threat of a new Ice Age seriously for more than 15 minutes, no matter who is running the show, until the river freezes over. Besides, it was getting near the winter solstice and time to go out and gather the Christmas greens.

Unless a blizzard intervenes, and it seldom does, we gather the greens in our own woods the day before the solstice. It is an old custom, and I don't mind admitting that there is a touch of paganism in it. Most countrymen have at least one part paganism and two parts pantheism in the makeup of whatever faith they hold. You can't live with the wind and the weather, the crops and the seasons, without knowing that the earth and the elements are fundamental matters and having an inclination to make your peace with them. Besides, the winter solstice, which is the turn of the natural year, is a perennial time of diurnal crisis. Daylight has diminished to a point where, unless the sun turns back and climbs the sky again, night will engulf the world. The ancients knew this and, not being inhibited by the scientific illusion of omnipotence, besought the sun to turn back, restore the daylight, and insure another spring and summer. They gathered evergreen boughs, symbol of enduring life, and used them in their solstice ceremonies.

So, being somewhat skeptical of human omnipotence myself, I go out and gather the greens and the bright winter berries the day before the solstice. Nominally they are for decoration at the observance of the Nativity; but I recall that the early churchmen were not above adapting pagan holy days to their own good purpose, so I have a degree of precedence on my side. We put up the greens, the solstice passes safely, and by Christmas day I can, if I wish, measure shadows and say a prayer of thanks in good conscience all around. My faith has been renewed. Even the universe is in order. The year has survived its annual crisis.

We were discussing such matters at a small party the other evening and one man asked, "What is so important about a solstice? All it proves is that the earth spins on a tilted axis and moves in an elliptical orbit."

He was right, but only up to a point. He was indulging in oversimplification, thinking that if you state something in technical terms you have answered all questions about it. Few things are that simple. It is somewhat like dismissing corruption in high places as a result of "the pressure of opportunity." Or defining man as a bipedal animal consisting of so many quarts of water and so many pounds of chemical salts. That, too, is true – up to a point. But it omits, among other important elements, the thoughts, the dreams, the hopes, the fears, the fragile sense of morality, the love and the hate and the sense of truth that make man what he is.

Actually, the winter solstice is an annual test of faith. Spring is the time of burgeoning growth, the urgency of life made manifest. Summer is a time of green abundance. Autumn is ripeness and harvest, bounty and completion. Faith is easy and belief is simple in a warm, green world. But man can face winter only with the security of unshaken certainty. Certainty of something fundamental, even so simple a matter as daylight and darkness. Cold deepens, daylight lessens, nights lengthen; and then the solstice occurs and provides the certainty of orderly, cycling change and great, enduring rhythms.

The more we seek, the clearer it becomes that there are no new securities, but only the old ones rediscovered. The solstice is a time of such rediscovery, for though I may define security in a dozen different ways the ultimate definition leads to the inner man and his relation to the earth and the universe. There must lie the certainty that gives life its meaning, just as there lies doubt, the lonely depth of cold and darkness. When I see the turn of the year I am reminded once again that faith and belief are neither foolish nor futile. That in itself is enough to make life worth living.

I suppose every countryman has been asked, time and again, why he persists in living where he does, apart from the crowd. And those of us who live in rural areas of harsh winters sometimes ask ourselves about the necessity of fighting such a climate. The answers, when honestly given, are closely interwoven. A man needs roots. He needs to know the dimensions of a day and a year beyond the arbitrary statements of a clock or a calendar. He needs to know the integrity of a seed, of a growing woodland or cornfield or even of a tomato plant. He needs the truth of a star, and of flowing water, and of a hillside in the spring of the year. And some of us need the four seasons, winter as well as summer, as proof that change is inevitable and eternal; as proof that life, like the year itself, is a continuity that demands participation. All of us need a sense of belonging, of being more than integers on a census chart.

It is a minor matter, perhaps, but the more man alienates himself from the land and the season, the less becomes his capacity for awe and wonder. Ingenious as he is, man still can't create a snowflake. He can create the conditions that form snowflakes in a laboratory, but not the flake itself, which is perhaps the most intricate and varied and delicate shape that we encounter in our lifetime. We explain it as a water crystal. We even say that inner tensions dictate its shape. But why, out of the uncountable billions of flakes that fall in even a minor snowstorm, are there no two flakes exactly alike? There is one amazing truth which confronts the countryman every winter, and sometimes we stop and wonder.

There are patterns in snowdrifts that make a man catch his breath with their beauty. So, we say, snow is a somewhat plastic material which is shaped by the wind. But who can walk beside a January brook after a snowstorm and see the incredible loveliness of those drifts and be content with such an explanation?

The winter fields lie dormant, frosted and drifted, and the woodlands sigh in the icy wind. But there beneath the drifts are the roots of grass, the ubiquitous grass, and seeds of all the flowering plants that will respond to April. The woodchuck sleeps in his den, as oblivious to time and the season as the frog in the bogland mud and the dormant bud on the maple. And the countryman tends his fire, feeds his cattle, lives on last fall's harvest, and waits out the season, knowing that life persists down at the root and will assert itself again, knowing that he will commit the seed to the soil again, once winter has passed, and that the fundamental forces of life and growth will take command.

It was no matter of accident or even of convenience that we celebrate a holy time at this season of the year. It was inevitable, once man became a sentient creature aware of his environment. Capable of awe and possessed of the capacity for wonder, he knew and respected forces beyond himself. He lived in the midst of miraculous events, but each year brought the short days, the long nights, and the possibility of disaster. Every man old enough to sprout a beard had seen the year's crisis safely passed time after time, but he knew that life was precarious and death the only certainty. So he appealed to whatever gods he knew; and when the crisis that we now call the winter solstice had been survived, when the shadows proved that his prayers had been answered, he gave thanks and observed a holy occasion. His faith had been made whole again.

I have no real occasion to look north for the glaciers of a new Ice Age. I am an enlightened man, presumably, and I live in an age when, whether we know ultimate reasons or not—and we are still reaching for most of them, actually – we do know something about the great rhythms of our small cosmic system. And I am sure that my gathering of the Christmas greens has no appreciable effect on the arrival of the winter solstice and the slow lengthening of the day.

But, being a countryman and to some degree pagan and pantheist, I see no harm in clinging to this minor ceremony as a part of the Christmas calendar. If I could really explain a snowflake or the dormancy of a seed and an egg, I might leave the solstice to the almanac for prediction and verification. But I still cherish the sense of wonder and believe in the virtue of knowing awe when a great miracle comes to pass, as it does at this season, year after year.

ДЖЕССИ ХИЛЛ ФОРД • С разрешения журнала *Атлантик*

РЫБЫ, ПТИЦЫ И СЫНЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ

Джесси Хилл Форд — сейчас ему около 35 лет — в конце пятидесятых годов отказался от медицинской журналистики, в области которой он с успехом подвизался в Чикаго. Вместе с семьей он переехал в свой родной штат Теннесси, чтобы работать над романом «Горы Галаада», который и опубликовал в 1961 году. С тех пор Форд написал ряд рассказов из жизни южного холмистого края, который он так хорошо знает. Предлагаем вниманию читателей один из этих рассказов.

До восемнадцати лет Томми Хассел исходил вдоль и поперек все низовье реки Теннесси. Первый охотник среди ребят, он носился повсюду — бегом, всегда бегом, — и выстрелы его ружья раздавались над рекой: в кукурузных полях они звучали, как удары молотком по длинной железной трубе, над табачными посевами — сухими хлопушками, а когда Томми охотился на белок в лесной чаще, холмы отвечали раскатистым эхом.

Ружье смолкло, когда мистеру Томми перевалило за восемнадцать: доктор сказал, что у него плохое сердце, и рекомендовал сугубую осторожность. Мистеру Томми хотелось прожить на белом свете как можно дольше. Вернувшись от доктора, он улегся в постель. Еду ему подавали или отец, мистер Эд, который хромал на одну ногу, или мать, глухая миссис Ханна, которая к тому же была и слепа на правый глаз. В доме от когда-то многочисленной семьи Хассел остались только они трое: старшие сестры мистера Томми давно повыходили замуж, а старшие братья давно уехали в Иллинойс на работу.

Месяца через два мистер Томми решился встать с постели, и хотя его мутило от слабости, он, то и дело отдыхая, спустился с холма до того места, где рабочие рубили деревья и тянули — насколько хватал глаз — колючую проволоку, и не только вдоль Медвежьего ручья, но и на много миль вдоль берегов Теннесси. Потом мистер Томми, так же часто отдыхая, вернулся домой и снова лег в постель.

Пришла осень, а он все лежал: днем прислушивался к своему сердцу, ночами — к тому, как по берегу ручья гонялись охотничьи собаки по лисьему следу: сделав круг, они возвращались назад. Ночь за ночью гонялись они, почти до рассвета.

Потом пошло: зима, весна, лето, снова осень... Иногда он боялся даже поднести ко рту ложку.

Мистеру Томми исполнилось почти двадцать, когда он снова рискнул встать с постели и, несмотря на большую слабость, двинулся по длинному спуску. Но до ручья не дошел. Подножье холма было залито запруженной водой: искусственное озеро разлилось на мили вокруг, затопив места, где он когда-то охотился.

Зимой того же года его отец, мистер Эд, охотясь на уток, провалился под лед бухточки и утонул. После смерти отца бедная старая миссис Ханна помешалась и все бродила вокруг дома, что-то бессвязно бормоча и плача, а по весне и она умерла. Похоронили ее рядом с мужем на семейном кладбище в кедровой рощице над бухточкой — той самой, где старик ушел под лед.

Из всей разбросанной по свету семьи Хассел удалось разыскать трех сестер и одного брата мистера Томми.

Одна сестра хотела забрать мистера Томми к себе в Нашвилл, но он отказался. Брат предложил взять его к себе в Хаммонд, в Индиану, но мистер Томми и к брату не захотел переехать. Ему казалось, что смерть случится у него в груди, и он хотел только, чтобы его оставили в покое и дали ему умереть в родных местах.

Сестры забрали постельные принадлежности, посуду, сковородки, кастрюли и почти всю мебель. Брат забрал ружье, новый топор, граммофон, пятнадцать метров новой веревки, из коптильни — окорока, сало, грудинку, взял почти что новые сапоги мистера Эда и семейную Библию.

Мистеру Томми осталась большая раковина, старая музыкальная шкатулка, которая, сколько он помнил, всегда была испорчена, каминные часы.

Ферму, кроме участка с домом и сараем, на которые никто не претендовал, продали. Деньги разделили между собой брат и сестры, мистеру Томми выделили, как его часть, дом с участком, колодец, пустую коптильню и полуразвалившийся сарай, где стояли мул и корова. Все остальное — плуги, грабли, инструменты, цепи, упряжь и старый топор — продали с аукциона, продали и мула и корову. Из вырученных денег заплатили адвокату, а десять долларов оставили мистеру Томми «на первое время», как они выразились. Что под этим подразумевалось, он так и не понял. Под конец одна из сестер оставила ему старое стеганое одеяло и подушку. Когда последняя машина, покачиваясь и поскрипывая под тяжестью привязанного на крыше добра, скрылась из виду, мистер Томми вернулся в спальню и лег на постель умирать.

Старый пес Гувер, словно понимая, что случилось, поплелся за мистером Томми и улегся у кровати, положив морду на передние лапы. Спустилась ночь, а вместе с ней ударил мороз. Мистер Томми и пес лежали и тряслись от холода. Пес не выдержал и прыгнул на кровать, а мистер Томми, на котором были надеты все его одежки, встал с постели и достал старую шинель мистера Эда. Под шинелью и одеялом, рядом с собакой, он умудрился согреться, и утро застало его совсем не ближе к смерти, чем накануне. Ясно, надо было что-то предпринять.

Когда солнце поднялось высоко, мистер Томми вышел во двор и сел погреться. Так он просидел до полудня, погруженный в думы. Где-то перекликались и посвистывали сойки, издали перебранивались вороны, то и дело садились на верхний сук каштана и каркали. Лес вокруг зеленел; деревья на склоне холма, блестящие и розовые от красноватых почек, походили на гигантские леденцы. Сколько мистер Томми ни думал, другого выхода не было, и, когда солнце стало клониться к закату, когда снова нависла угроза холодной ночи, он встал и, приказав Гуверу оставаться дома, пошел со скоростью, на которую мог решиться, пока не дошел до маленького и аккуратного крашеного дома пастора, что стоял у желтой каменистой дороги, неподалеку от шоссе.

В доме ужинали. Пастор пригласил мистера Томми разделить хлеб-соль с его семьей. После ужина мистер Томми выложил пастору все, что было у него на душе.

Пастор, тоже еще молодой человек, обслуживал три прихода в округе Медвежьего ручья. В одном из приходов он знал вдову — правда, года на два, на три старше мистера Томми, — но женщину крепкую, работящую, которая не боялась тяжелой работы и привыкла к трудным временам.

У нее имелись кое-какие деньги, полученные от страхового общества, когда убили ее мужа, —

пастор явно не хотел распространяться, как и почему его убили, а мистер Томми постеснялся спросить вторично. Пастор сказал, что вдову зовут мисс Маргарет, что до первого брака фамилия ее была Кенни. Родом она из семьи рыбаков и охотников, живущей, как и мистер Томми, на бедном, ничего не стоящем участке. Свадьбу, добавил пастор, можно сыграть довольно скоро.

— Ну, что ж, ладно, — сказал мистер Томми.

Не прошло и недели, как он оказался женатым. Мисс Маргарет въехала в дом мистера Томми с перинами, одеялами, на которых были вышиты райские птицы, посудой, чайниками, сковородами, скалками, досками для раскатывания теста. Привезла она и свои ружья, револьвер покойного мужа и почти новый топор.

Когда мистер Томми спросил о первом муже, она сказала, что его убили около двух лет тому назад в перестрелке с акцизниками. Мистер Томми подсчитал, что это случилось примерно в тот год, когда доктор сказал ему насчет сердца.

— Ничего, не беспокойся, — сказала мисс Маргарет, взбивая подушки и поудобнее укладывая его на комфортабельное супружеское ложе. Лицо у нее было серьезное, с крупными чертами, руки полные, сильные, каштановые волосы она закручивала узлом на затылке. — Все будет хорошо. Теперь тебе не о чем беспокоиться. Понял?

Мистер Томми кивнул. Не теряя времени, она принялась за работу. Вычистила дом, покрасила его снаружи в серый цвет, починила веранду, покрыла пол новым линолеумом, оклеила спальню обоями в красных розах, повесила желтые ситцевые занавески. Когда дом был приведен в порядок, она огородила птичий двор, выстроила курятник, починила сарай и заборы. Казалось, она непрерывно движется: то кур кормит, то корову новокупленную доит, то пропалывает огород, то стряпает для мистера Томми.

Работала мисс Маргарет как машина, которая никогда не портится, никогда не останавливается. По вечерам, когда мистер Томми спал, она шила ему рубашки или чинила сети и переметы. Вскоре мистер Томми стал замечать, что толстеет. Это показалось ему странным — его предупреждали, что при больном сердце человек становится худым как щепка.

Вскоре похолодало, и он взял ружье мисс Маргарет со всеми ее патронами и осторожно спустился к бухточке, где засел в камышах у самой воды. Он настрелял двадцать пять диких уток. Старый Гувер покорно кидался в воду за каждой уткой и вытаскивал ее на берег. Утки были тяжелые. Израсходовав все патроны, мистер Томми едва дотащил их до дому. Мисс Маргарет не сказала ни слова. Она ощипала уток, собрала пух и перья для подушек, шесть штук зажарила, а остальных подвесила на дворе, чтобы заморозить.

Они ели уток в тот же вечер. После ужина мистер Томми, в длинной ночной рубашке и теплых носках, улегся в постель. Согреваясь под одеялами, он прислушивался к сердцу и думал о пышках и об утятине с рисом под соусом.

Из-за воспоминаний о еде и размышлений о сердце мистер Томми не мог уснуть. Он встал, накинул на плечи старую отцовскую шинель, взял с камина раковину, что стояла рядом с часами, и, усевшись у огня на скамье возле все еще что-то шившей мисс Маргарет, стал разглядывать розовую раковину в свете горящего камина, любуясь ее красотой. От прикосновения множества рук, из поколения в поколение ее поглаживавших, раковина стала гладкой-прегладкой. Никто из Хасселей не помнил, откуда она появилась, — говорили, что давным-давно ее подарили кому-то на свадьбу. Приложи ее к уху — и слушай море...

— Кажется, сердце сегодня немножко лучше бьется, — сказал мистер Томми. — Похоже, что оно сегодня крепче, чем вчера, даже чем в четверг.

— Наверно, это утятина, — сказала мисс Маргарет. — Утиное мясо, говорят, укрепляет сердце. Утка — самая еда для сердца. Из всех птиц у утки, пожалуй, самое большое сердце.

— Похоже на то, — сказал мистер Томми, поглаживая раковину бледными руками.

— Уткам во какие перелеты приходится делать, — сказала мисс Маргарет.

— Никогда мне в голову не приходило, — отозвался мистер Томми.

— Вот рыба — так та еда для мозгов, — продол-

жала мисс Маргарет. — Я одного идиота знала, его целый год одной рыбой кормили, так что голова у него стала как тыква. И мозги все время росли — стал таким умным, что к нему со всех сторон народ повалил советоваться. Домашние целое дело из этого сделали — за совет доллар брали.

— Вот те на, — сказал мистер Томми. — И что же с ним сталось?

— Ох, не говори! Кончилось тем, что припадочным стал, — сказала мисс Маргарет. — А под конец такой припадок случился, что посинел и помер.

— О-о. . . — сказал мистер Томми.

— Все тогда говорили, что ему чересчур много рыбы давали, — сказала мисс Маргарет, — когда мозг дорос до нормального, надо было остановиться, а не откармливать дальше.

— Да-а-а. . . — сказал мистер Томми.

— Все на доллары зарились, — сказала мисс Маргарет. — Жадность их, вот что его погубило. Имели бы терпенье, — состояние нажить на нем могли. У него голова стала, что твоя лоханка.

Мистер Томми плотнее запахнулся в шинель, одной ногой в носке дотянулся до Гувера и почесал ему шею. Пес дремал у очага, то и дело дергая ногами. Несмотря на ласковое прикосновение ноги мистера Томми, собака продолжала вздрагивать. Она только чуть-чуть приоткрыла глаза, вся охваченная снами старой легавой. Может быть, Гувер снова выносит из воды уток, подумал мистер Томми, может быть, ему вспоминается шелест крыльев птиц, медленно опускающихся под косым углом на воду и протягивающих к ней оранжевые лапки.

— Я, пожалуй, пойду лягу и послушаю, как бьется сердце, — сказал мистер Томми. Он встал и робко поцеловал мисс Маргарет в широкую щеку.

— Спокойной ночи, милый, — сказала ему вслед мисс Маргарет.

Он скинул шинель и, растянувшись под одеялом, стал прислушиваться к ровным, глухим ударам в груди. Согрелся он на этот раз сразу.

Он чувствовал, как сон наплывал на него, потом увидел длинное, туманом волочащееся по земле облако, но как оно *настигло* его, как перекатилось через него, не заметил, — так тихо и незаметно подкрался сон.

На следующее утро он проснулся, когда мисс Маргарет уже отдоила корову. Приподнявшись, он увидел, что за окном еще темно. Он снова лег в теплую постель и стал дремать, а мисс Маргарет принялась жарить бекон и сосиски и печь булочки. Когда она поставила на стол патоку, мистер Томми встал, *накинул шинель и сел у огня.*

— Чудной сон мне приснился. . . — сказала мисс Маргарет. Сны ей снились часто.

— Какой же?

— Не знаю. Я всегда говорю: когда проснусь, я снов не помню. Но сон был чудной. Что-то хорошее. Больше ничего не знаю, — сказала мисс Маргарет.

— Ну, а мне если что снится, так снится одно и то же: будто я по воздуху летаю, — сказал мистер Томми. — Каждый раз, когда я вижу сон, всегда то же самое: прыгаю с разбега, потом лечу по воздуху, за мной что-то гонится, но поймать меня не может — я лечу быстрее.

— Вот если видишь во сне воду, так это к смерти, — сказала мисс Маргарет.

— Нет, вода не снится мне никогда, я только летаю.

— Перед смертью моего первого мужа его мамаше приснилась вода: будто река разлилась и затопила берега, — сказала мисс Маргарет. — Моя свекровь сидела на крыше, высоко над водой. И кто же, ты думаешь, проплыл мимо, держась за ветку?

— Откуда мне знать? — отозвался мистер Томми.

— Мой первый муж, — сказала мисс Маргарет. — Свекровь хотела его вытащить, но не могла достать, он проплыл и скрылся из виду. А на другой день его друзья-приятели дали знать, что акцизники придут за ним. Я стала уговаривать его спрятаться в лесу.

— Ты его уговаривала? — спросил мистер Томми.

— Ну, а как же; я его упрашивала, а он заладил одно: акцизные ничего не знают, просто кто-то донес на него. Они в ту же ночь и нагрянули, стали кричать со двора, чтоб он выходил, а он им — чтоб они отстали.

— А он, правда, гнал самогон?

— Было дело. . . Все кладовки в доме были забиты посудинами с виски. У других в углу кадка с водой, а у него — бочонок с самогоном, а на стене рядом черпак из тыквы, которым и черпал. Вся семья его такая — шотландская кровушка, Макинлли. Виски вошло им в плоть и кровь, как моим домашним — рыбалка.

— Да ну, — удивился мистер Томми, — в плоть и кровь?

— Еще как, — сказала мисс Маргарет. — Он приказал мне лечь на пол у печки, а сам давай стрелять по ним вон из того пистолета, — мисс Маргарет улыбнулась. — Акцизные, как козы, — в кукурузу, а муж смеется и ругается. Схватил с камина коробку с патронами — и за ними.

— Побежал за этой шпаной? — лицо мистера Томми сморщилось от мысли о такой глупости.

— Он и до середины двора не добежал, как они в него попали. Я это почувствовала вот тут — меня так и резануло, — сказала мисс Маргарет, проведя рукой по животу. — Я слышала, как они стреляли, — боль меня пронзила, как электрическим током, и я знала, что мистер Макинлли убит. Я сама внесла его в дом, раздела, обмыла — все сама. Я никому не позволила бы притронуться к нему, никому — только я имела право на это. А весил-то он почти сто кило — и ни кусочка лишнего жира. А до чего волосатый был! По всей спине сплошь обезьяньи волосы, густые, как трава, и черные, как ночь. Я всегда твержу: такого волосатого, как мой первый муж, никогда не было и не будет. Говорят, что волосы — к богатству, что обезьяньи волосы притягивают деньги, как магнит железо.

— Я это тоже слышал, — подтвердил мистер Томми. — Летаю, — добавил он. — Можно сказать, только это и снится.

Но мисс Маргарет ждали дела по хозяйству. Она взяла ведра и вышла. Он слышал, как заскрипел ворот колодца. Потом она вернулась с водой и поставила посуду на стол.

Мистер Томми поднялся, натянул брюки, надел башмаки и вышел во двор. Промерзшая земля под ногами была тверда, как камень. Солнце еще не взошло, но небо светлело. В бледном прозрачном воздухе быстро летела вереница уток по направлению *к полям кормиться; к полудню* утки вернутся в заводи.

Мистер Томми протер сонные глаза. Оглядел выкрашенный серым дом, беспорядочно сваленные вентери и верши. Посмотрел в сторону кедров, высившихся на семейном кладбище, за ними увидел разлившуюся бухточку в белой оправе из льда.

Задержав дыхание, он прислушался к сердцу: *сердце билось ровно — ровно, как крылья, сильно* — сильно, как сотни диких сердец высоко над ним, настойчиво и терпеливо — как у рыб, тех, что, не мигая, пристально смотрят и тысячами ждут глубоко в ледяной воде.

От резкого холода защипало в носу и перехватило дыхание. Мистер Томми совсем проснулся. Он повернул и вошел в дом, сильно хлопнув дверью. Мисс Маргарет у печи вздрогнула и обернулась.

— Ты что? — сказала она.

— А ты что — никогда не видела мужчины? — выкрикнул каким-то новым громким голосом мистер Томми.

— Что?

— А то, что я погнался бы за этой шпаной — так же, как и он.

— Так разве я что сказала? Послушай, что ты можешь поделать, если. . .

— Ты лучше поверь! — перебил он, тяжело дыша и глядя прямо ей в глаза, серые, как вода, спокойные и прозрачные, как стекла в окне. ▼

Фильм «Полевые лилии». Пуатье обсуждает с монахиней (Лилия Скала) постройку часовни, которой она его просит заняться. Добродушный скиталец Пуатье не в силах отказать ей в просьбе.

Известная голливудская актриса Патриция Нил получила Оскара за блестящее воплощение образа циничной экономки в фильме «Хад», рассказывающем о жизни современных техасских скотоводов.

«Я проделал долгий путь», — сказал Сидней Пуатье, принимая премию «Оскар» 1963 года за лучшее исполнение главной мужской роли. Свою артистическую карьеру он начал пятнадцать лет тому назад, играя сперва в театре, затем — в кино. Отныне имя его будет стоять рядом с выдающимися мастерами экрана, ранее удостоенными наград голливудской Академии киноискусств. Основанная в 1927 году, Академия ежегодно раздает «Оскаров» — золотые статуэтки — выдающимся деятелям кино, в общей сложности по 25 категориям. Премии присуждают 2600 членов Академии, все специалисты в области кино. Обладатели Оскаров особенно гордятся наградой, считая ее своеобразным вотумом доверия со стороны собратьев по искусству. Кроме того, для молодых актеров это стимул к дальнейшей работе, а для более зрелых артистов — мировое признание их заслуг.

ГОЛЛИВУД НАГРАЖДАЕТ ЛУЧШИХ

Сидней Пуатье с премией Оскар, которую он получил за исполнение главной роли в фильме «Полевые лилии». «Я чуть не подпрыгнул до потолка, когда услышал свое имя», — вспоминает актер об этой счастливой минуте.

Премию за лучший сценарий получил Джеймс Р. Уэбб. Его фильму «Как осваивался Запад» — волнующей повести о прошлом Америки — присуждены также премии за лучшее звуковое оформление и монтаж. Фильм идет два с половиной часа.

Награду за лучшую режиссуру увез в Англию Тони Ричардсон, чей фильм «Том Джонс» был выдвинут на соискание девяти премий, из которых он удостоился четырех, включая приз за лучший фильм года.

Эпические фильмы получают основные награды

Динамичность, увлекательность и грандиозный размах — вот характерные черты картин-призеров 36-й раздачи «Оскаров». Лучшим фильмом 1963 года был признан «Том Джонс» (справа). Кинокартина по роману Генри Филдинга с большим юмором повествует о нравах Англии XVIII века. Премию также получил фильм «Как *осваивался Запад» (слева)*, в котором показана полная приключений жизнь нескольких поколений семьи американских пионеров, продвигавшихся на запад. В съемках принимали участие три режиссера и 24 голливудских знаменитости. Картина демонстрируется на широком экране «Синерама».

Новые жилые дома в Сан-Франциско